Девушка Online. Статус: свободна

Автор:
Зои Сагг

Девушка Online. Статус: свободна

Зои Сагг

Блогерша

Начало учебного года Пенни встречает в одиночестве: ее бойфренд Ной исчез с радаров, и никто не знает, где он. Девушка решает, что занятия искусством и новые знакомства – лучшее средство, чтобы справиться с хандрой. Она с головой погружается в творчество и много времени уделяет друзьям. Поможет ли это Пенни избавиться от призрака бывшего парня и открыть новую страницу в своей жизни?

Зои Сагг

Девушка Online. Статус: свободна

Моим любимым подписчикам, читателям и поклонникам.

Спасибо за вашу постоянную поддержку и за разделенную со мной любовь

к Пенни и ее истории. Надеюсь, вы будете продолжать следовать своим мечтам,

пока они не станут реальностью.

Если смогла я, сможете и вы!

Zoe Sugg

GIRL ONLINE: GOING SOLO

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London.

Печатается с разрешения издательства Penguin Books Ltd.

На обложке использованы фотографии по лицензии Shutterstock.com

Перевод с английского Натальи Болдыревой

Зои Сагг, также известная как Zoella, – влогер из Брайтона, Великобритания. Ее влоги о красоте, моде и стиле жизни привлекли миллионы подписчиков на YouTube, и количество просмотров видео растет каждый месяц. Она выиграла награду «Космополитен» за свой блог о красоте в 2011 году, а в следующем была признана лучшим бьюти-блогером. Кроме того, Зои дважды – в 2013 и 2014 годах – завоевывала звание самого популярного британского влогера на «Рейдио-Тин-Эвордс», а в 2014-м удостоилась звания самого любимого блогера Великобритании на «Никелодион-Кидс-Чойс-Эвордс». На награждении «Тин-Чойс-Эвордс» 2014 года Зои была названа веб-звездой красоты и моды. Летом 2016 года Зои совместно с издательским домом «WHSmith» организовала книжный клуб своего нового замечательного романа.

© Zoe Sugg 2016

© Н. Болдырева, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

15 сентября

Где Ной Флинн?

Небольшой сбой в обычно строгом расписании постов! Если вы – постоянный читатель «Девушки Online», то знаете, что я люблю отвечать на ваши вопросы, заданные в комментариях или по мейлу. Несмотря на то, что в большинстве своем вы – суперкруты и спрашиваете о нормальных вещах, вроде нового учебного года, и как я готовлюсь к моим текущим и предстоящим курсовым и экзаменам… мой почтовый ящик переполнен также вопросами о Ное Флинне. А именно: где он? Что делает? Почему оставил мировое турне «Скетча»?

Слушайте, это творится не только тут, в моем блоге, но в каждом моем аккаунте в социальных сетях, и даже в реальной жизни! Так что пора, я чувствую, напрямую изложить все то, что я знаю.

Если вы новый читатель моего блога, то, может, не в курсе, что мы с Ноем встречались (обратите внимание на прошедшее время). Давние читатели, возможно, также знают его как «бруклинского парня», и хотя я уже больше месяца не писала о нем… или о нас, если это имеет значение… его отсутствие в последнее время заставляет многих задаваться вопросом, что с ним.

Итак, глубокий вздох, и вот вам правда: я тоже не знаю. Мне известно столько же, сколько и вам, и все, что я могу – надеяться, что с ним все в порядке, и он счастлив, чем бы ни занимался. Его менеджер заявил следующее: «Из-за тяжелой рабочей нагрузки и проблем личного характера Ной принял решение прервать мировое турне «Скетча» на месяц раньше положенного срока. Он приносит извинения своим фанатам за все разочарования, которые может вызвать это решение, и благодарит их за постоянную поддержку».

И это все, что у меня есть. К сожалению, то, что я – подруга Ноя, не означает автоматически, будто мне известны его точные координаты, так что я не могу залогиниться в какое-нибудь приложение на телефоне и увидеть, где он находится (хотя я почти уверена, что моя мама периодически отслеживает меня и моего брата). Могу сказать вам одно: я знаю Ноя и понимаю, что это решение далось ему нелегко. Но он очень сильный парень и, уверена, вернется раньше, чем мы думаем.

Надеюсь, я ответила на ваши вопросы, и мы сможем возобновить нашу жизнь здесь, в блоге «Девушка Online», в нормальном режиме.

А для тех из вас, кто, возможно, не представляет, о чем я вообще говорю… Извините, ха-ха! И еще: Ной, если ты читаешь это, ответь, пожалуйста, или мне придется нанять частного сыщика, чтобы выследить тебя.

Девушка Online уходит offline xxx

Глава первая

Я заканчиваю писать пост в блог и передаю свой ноутбук Эллиоту.

– Думаешь, этого достаточно?

Его взгляд сканирует экран, а я тереблю заусенец на мизинце.

– По-моему, хорошо, – отвечает он через несколько мучительных секунд.

Получив его одобрение, я хватаю ноутбук и нажимаю «опубликовать» раньше, чем успеваю передумать. Мгновенно чувствую, как тяжкий груз сваливается с моих плеч. Сделано. Я не могу забрать свои слова обратно. Мое «заявление» официально в сети, хотя сама идея делать какие-то заявления смехотворна. Щеки пылают, когда я понимаю, как злит меня эта ситуация…

Эллиот кашляет – громко, – прерывая череду моих мыслей. Его губы сжаты, отчего мое сердце замирает, ведь я знаю, это значит, что он чем-то обеспокоен.

– Ты действительно не получала вестей от Ноя с середины августа?

– Да. – Я пожимаю плечами.

– Поверить не могу. Бруклинский парень нас подводит.

Я снова пожимаю плечами. Кажется, это единственный жест, на который я способна. Если я слишком много буду об этом думать, все мои глубоко спрятанные эмоции вырвутся наружу и забурлят на поверхности.

– У меня есть только одно послание. – Я достаю телефон и открываю сообщение. – Смотри.

Прости, Пенни. Все это немного слишком. Я выхожу из турне и беру перерыв. Скоро свяжусь с тобой.

Н х

Не знаю, что Ной подразумевает под «скоро», но прошло уже больше месяца – и ничего. Я послала множество сообщений, в личку и на почту, но в ответ ничего не получила. Кроме того, мне не хотелось бы казаться какой-то отчаявшейся бывшей подружкой, пытающейся отследить его. И хотя в последнее время это заботит меня все меньше, каждый раз, когда я думаю о том, что он не отвечает мне, мой мозг взрывается и выворачивается наизнанку.

– Ну, – резюмирует Эллиот, – ты правильно сделала, что выложила свою часть истории и избавилась от навязчивых вопросов. Кому нужна такая головная боль, верно?

– Точно. – Я перемещаюсь на край кровати и хватаю со стола щетку для волос. Пока я продираюсь ею сквозь узел чуть выгоревших на солнце темно-рыжих колтунов, взгляд блуждает вокруг селфи, пришпиленных к зеркалу. Там есть мои фото с Леа Браун, Эллиота с Алексом, и даже одно селфи с Меган.

Надо сказать, большая часть их скрыта за любимыми фотографиями, вырезанными из журналов, – они служат вдохновением для моего портфолио – и расписанием занятий, с аккуратными подчеркиваниями и цветовыми выделениями, так, чтобы я всегда знала, чем необходимо заняться. Мама шутила, что я больше времени провела, раскрашивая его, чем занимаясь, но это помогает мне чувствовать, что я что-то держу под контролем. Остальное в моей жизни, кажется, лежит вне моей досягаемости: Ной, карьера фотографа, даже друзья…

Все готовятся к жизни после окончания школы. И даже при том, что у меня есть огромное преимущество в виде практики у Франсуа-Пьера Нуво – одного из самых крутых фотографов на свете, – я чувствую себя так, будто топчусь на

месте, когда остальные бегут. Куда мне двигаться теперь?

– Думаешь, он нашел кого-то другого? – Эллиот пристально смотрит поверх очков с уже хорошо известным мне выражением «Пенни с этим никогда не смирится», которым он любит удивлять меня время от времени.

– Эллиот! – Я бросаю в него щетку, от которой он легко уклоняется. Она врезается в стену позади него и падает на кучу белья.

– Что? Он один, ты одна. Пора тебе выйти в свет, Пен. Жизнь – это не только Бруклин. – Он нарочито подмигивает, и я закатываю глаза. Если что-то и заставляет меня нервничать сильнее, чем молчание Ноя, так это мысль о том, что он с кем-то еще.

Желая сменить тему разговора, я спрашиваю Эллиота.

– Ну ладно, а как дела у Алекса?

Эллиот воздевает руки к небу.

– Идеально, как всегда.

Я усмехаюсь.

– Вы, ребята, такие милые, даже немного тошнит.

– Я не говорил тебе, что он ушел из винтажного магазина? Теперь работает в ресторане. – Эллиот светится от гордости. – Дождаться не могу, когда закончу школу и мы сможем жить вместе. То есть я и и так провожу у него большую часть своей жизни. Ну, конечно, когда я не тут.

Он улыбается, но глаза у него грустные. Я наклоняюсь к нему и беру за руку.

– Твои родители справятся… – Уже несколько недель, как не прекращается борьба в семействе Вентворт. Иногда сквозь тонкие стены моей спальни на чердаке мы слышим, как они кричат. В такие вечера мне немного неловко.

Теперь его очередь пожимать плечами.

– Мне кажется, им стоит просто прекратить страдать. Все будут счастливы, если они разбегутся раз и навсегда.

– Пенни! – Эхо маминого голоса звучит на лестнице и проникает в спальню.

Я включаю телефон и проверяю время.

– О, черт! Давай, Эллиот, мы опаздываем! Я не могу пропустить свой первый урок.

Пулей срываюсь с кровати и начинаю бросать книги в сумку. Быстро смотрюсь в зеркало и только тогда понимаю, что перед тем как запустить щеткой в Эллиота, расчесала лишь половину головы. Я хватаю со стола ленту и собираю волосы со всеми колтунами в небрежный узел на макушке. И так сойдет.

Меня всегда удивляла способность Эллиота превращаться из темного облака в луч солнечного света, и, когда я повернулась, он уже успел стать самим собой – ярким и игристым, как шампанское. Он хватает меня под руку и усмехается.

– Начинаем гонки за шоколадным круассаном?

– Давай.

Мы сбегаем вниз бок о бок, смеясь и толкаясь по дороге.

– И что вы, двое чокнутых, теперь задумали? – ворчит мама, когда мы оба спрыгиваем с нижней ступеньки, прежде чем выхватить по теплому шоколадному круассану из ее протянутых рук. – Не забудьте, вы должны быть дома к семи: сегодня день рождения Тома.

– Без проблем! – отвечаю я уже на полпути к двери, прекрасно понимая, что измазалась шоколадом там, где этого не позволила бы себе следящая за собой шестнадцатилетняя девушка. Я бы никогда не забыла о дне рождения своего старшего брата, но я понимаю, почему мама напомнила мне о нем. После школы мы собираемся бродить с Эллиотом по Брайтону: я снимаю его для своего

портфолио.

Для меня Эллиот – идеальная модель, потому что он абсолютно уверен в себе и никогда не боится принять любую позу посреди улицы, даже если мимо идут люди.

– Может, стоит начать вести блог? – сказал он мне однажды. – Тогда бы я показал всем этим фотографам! Даже те фото, что тебе не нравятся, удивительны.

– Стоит, – ответила я. – И для твоей работы в индустрии моды это пригодится.

– Я подумаю над этим. – Таков был его ответ, но на самом деле он так и не решился на это. Подозреваю, мысль о том, чтобы иметь блог, привлекает Эллиота больше, чем вся связанная с этим работа. Он всегда закатывает глаза, когда снова видит меня за ноутбуком, но он также знает, чего стоит поддерживать блог. И после моего длительного перерыва в прошлом году я как никогда решительно настроена сделать его успешным.

Снаружи прохладно, и это напоминает мне о приближении осени, даже несмотря на то, что на дворе всего лишь сентябрь. Это самое любимое мое время года: листья начинают золотиться и опадать после тяжкой летней работы, а солнце, кажется, светит сильнее после того, как пропадает дымка летней жары. Все кажется чуть более ярким и свежим: чистый лист для нового школьного года. Чистый лист. Это именно то, что мне нужно.

Я прижимаюсь ближе к Эллиоту и беру его под руку.

– Сегодня придется закончить нашу модельную сессию побыстрее, – говорю я. – Единственный минус в том, что Алекс ушел из винтажного магазина – мы не можем теперь одалживать какие-нибудь забавные наряды!

Я возвращаюсь мыслями к своей любимой фотографии Эллиота: он был одет в свою обычную одежду (джинсы в обтяжку, бордовая футболка под кардиганом толстой вязки), а на голове красовалась пиратская шляпа с огромным торчащим пером. Он балансировал, стоя на одной ноге на перевернутом ведре, которое мы нашли на скалистом берегу. Выглядел Эллиот как заправский пират, король Брайтона. Король с очень хорошим чувством стиля.

– Придется вернуться к гардеробу твоей мамы! – говорит Эллиот, драматично вздыхая. Я смеюсь. Это правда: у мамы куча странных и прекрасных аксессуаров со времен ее театрального прошлого.

Мы расстаемся на автобусной остановке, и он дважды расцеловывает меня в щеки – экстравагантная привычка, перенятая им в Париже и закрепленная во время практики в журнале «Шик».

– Увидимся, дорогуша, – произносит он, а потом понижает тон. – И не терзайся слишком сильно по поводу Ноя, обещаешь?

Я вспыхиваю.

– Обещаю.

От остановки до школы всего несколько минут ходьбы, но я начинаю скучать по Эллиоту, как только он исчезает. Его отсутствие воспринимается, как отсутствие руки или ноги. Мне не хватает друга, и это причиняет боль. Не знаю, что я буду делать, если они с Алексом в конце концов переедут в следующем году в Лондон. От этой мысли шоколадный круассан лезет наружу, и я сглатываю, чтобы вернуть его на место.

Телефон жужжит, и я тут же забываю о своем обещании и думаю, что это, может быть, Ной. Но это не он. Это Кира.

«Где ты?» – прочла я сообщение. Потом посмотрела на время. У меня оставалось всего пять минут до первого урока… и предполагается, что я вместе с Кирой делаю презентацию по истории. Упс.

Я перехожу с шага на бег, мчусь вверх по ступеням, через двойные двери школы. Сразу за ними две новенькие семиклассницы склонились над телефонами, хихикая над чем-то из «Звездных глазок». Я мгновенно чувствую волной поднимающееся раздражение: наверное, они обо мне сплетничают…. Но на этот раз – не обо мне. Оказывается, что Хейден из «Скетча» порвал со своей подругой Кендрой. Когда одна из девушек поднимает взгляд на меня, она хмурится… но в ее глазах нет и тени узнавания. Просто, пялясь на них, я выгляжу немного странно. Быстро прохожу мимо, сердце колотится в груди. На меня уже больше

не оборачиваются.

Я облегченно выдыхаю, позволяя беспокойству отступить.

Мы с Ноем формально – вчерашняя новость. Я просто обычная девушка, живущая обычной жизнью в обычной школе. Это то, чего я хотела с момента окончания тура. Не так ли?

– Пенни! БОЖЕ МОЙ, вот ты где. – Кира бежит ко мне, прерывая цепочку мыслей до того, как они зашли слишком далеко. Она начинает говорить о презентации, и я позволяю ей втянуть себя через школьные коридоры назад, в нормальную жизнь.

Глава вторая

– Погоди, еще один.

– Пенни, уже без пяти семь…

– Знаю, но свет идеальный… – Я делаю последний снимок Эллиота: силуэт на фоне темнеющего неба. В этот раз мы не на пляже, а в парке Блейкерз, расположенном прямо перед нашими домами, неподалеку от ряда хорошеньких домиков, выкрашенных в пастельные тона. Мы живем на холме, и это значит, что из окон наших смежных спален на чердаке открывается прекрасный вид на парк и море за ним. В парке есть башня с часами, под которой мы с Эллиотом провели много солнечных вечеров, читая или фотографируя.

Эллиот немыслимо изгибается в позе мостика и подпрыгивает к звездам. Я лежу на животе на траве, снимая с низкого угла. Если не знать, что это Эллиот, то на этих фотографиях его можно даже не узнать. Мне удалось поймать заходящее солнце под изгибом его спины, солнечные лучи размывают все детали… но зато так он кажется внеземным, как будто свет исходит прямо из него.

– Ладно, закончила, – говорю я, опуская камеру. Сажусь и проверяю телефон. Нет никаких обеспокоенных сообщений от мамы, так что я прихожу к выводу,

что Том, возможно, запаздывает.

– Дай глянуть, – говорит Эллиот, падая со своего мостика спиной на траву. Я склоняюсь над ним, показывая. – О, Пенни, как чудесно! Ты по-прежнему лучше всех. Это стоит отправить в галерею.

– Определенно, это станет главным экспонатом! Назову ее «Эллиот и солнечный мостик».

– Может, тебе стоит немного поработать над названиями, Пи.

– Принимается.

Эллиот мечтает, что однажды я открою гигантскую галерею – со своей личной выставкой, а не так, как в тот раз, когда мои работы были размещены среди фотографий выпускных экзаменов в нашей школе. В его представлении моя галерея всегда открывается в каких-нибудь значимых местах, вроде Лондона или Нью-Йорка, или даже где-нибудь далеко, в Шанхае или Сиднее. Его великие мечты обо мне всегда заставляют меня усмехаться и одновременно – трепетать от волнения.

В конце моей удивительной практики с Франсуа-Пьером Нуво он сказал мне, что я могу разместить несколько своих фото в его галерее… если они будут соответствовать его высоким стандартам.

Я посылала Мелиссе, офис-менеджеру Нуво, с которой я непосредственно контактировала, несколько фотографий Эллиота. Она сказала мне, что, хотя они и были хороши, в них чего-то не хватало.

– Я просто не вижу в этих фото тебя, – говорила она мне. – Ты почти у цели. Работай над тем, что тебя по-настоящему вдохновляет, над тем, что ты действительно любишь, и ты поймаешь это. Твои фотографии должны обрести голос. Нечто… исключительно твое.

Я не хочу ее подводить, так что моя цель – практиковаться, практиковаться, практиковаться, пока я не выясню точно, что является «исключительно моим». Потому что мои мечты так же грандиозны, как и мечты Эллиота.

Я хочу фотографировать до конца своих дней. Никогда я не была так полна решимости воплотить это в жизнь, как сейчас.

Что-то на периферии зрения привлекает мое внимание, и я резко поднимаю голову.

– Ной? – шепчу я прежде, чем успеваю прикусить себе язык.

– Что? Где? – Эллиот следует за направлением моего взгляда, но там никого нет. Кто бы это ни был, он исчез за холмом.

– Я могла бы поклясться… – Но что я видела? Вязаную шапочку, низко надвинутую на длинные темные волосы. Знакомую походку. Это мог быть кто угодно. – Не обращай внимания, – добавила я быстро.

Но Эллиота так просто не одурачить.

– Все нормально, Пенни. Мне тоже хотелось бы, чтобы он был здесь. Но вот кто здесь точно присутствует, так это Том. Давай уже пойдем домой, а?

– Конечно. – Я знаю, что веду себя глупо… Ной скорее всего в Нью-Йорке или, может быть, Лос-Анджелесе… где угодно, но не в Брайтоне.

Мне просто хотелось бы что-нибудь узнать о том, где он и чем сейчас занимается. По крайней мере, так я не стану сходить с ума.

– Давай, не тормози! – Эллиот кричит на меня. Я отстала, пока мы взбирались вверх по холму к дому. Это одна из проблем Брайтона: он практически весь состоит из больших холмов, а наш дом стоит на полпути к вершине самого большого из них.

– Слышала, сегодня папа готовит нашу любимую лазанью! – говорю я, нагоняя его.

Эллиот стонет.

– О боже, что он собирается положить в нее на этот раз?

– Понятия не имею. Помнишь, как он добавил ананас в один из слоев, чтобы получилось в гавайском стиле?

– На самом деле, эта мне понравилась! Я скорее думал о том случае, когда он услышал, будто в Мексике для соуса используют шоколад, и растопил плитку молочного шоколада в болоньезе!

– Было довольно мерзко, – соглашаюсь я. – Может, мне стоит сказать ему, чтобы продолжал готовить только завтраки.

– Нет, ты знаешь, мне нравятся эксперименты твоего папы, даже если они не всегда удаются. Я хочу сказать, кто еще мог додуматься, что подсоленные чипсы, положенные сверху лазаньи, сделают ее такой вкусной и хрустящей? Он должен запатентовать этот рецепт. Подвиньтесь, Джейми Оливер![1 - Джейми Оливер – британский шеф-повар и ресторатор, автор многочисленных бестселлеров о кулинарии и здоровом питании.]

За разговорами о еде время проносится моментально, и мы подходим к дому раньше, чем успеваем это заметить. Эллиот даже не смотрит на свою дверь, а идет прямо к нам. Густой аромат трав и жарящегося мяса встречает нас, как только мы ступаем за порог.

– Пахнет просто потрясающе! – кричит Эллиот из-за моей спины.

В коридоре появляется папа, на нем съехавший набок поварской колпак.

– Сегодня у нас лазанья в греческом стиле! Фета! Орегано! Ягненок! Баклажаны!

– Значит, мусака?[2 - Рубленая баранина по-гречески с баклажанами в остром соусе.]

– О нет. – Папа машет на меня лопаткой. – Это все-таки будет лазанья. И погодите, пока не увидите, что я положил сверху…

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не оливки! – Я морщу нос.

– Лучше… анчоусы!

Мы с Эллиотом стонем.

– Привет, счастливый народ!

– Том! – Я оборачиваюсь и вижу, как мой брат открывает дверь, а за ним входит его давняя девушка, Мэлани. – С днем рождения!

– Спасибо, Пен-Пен!

Он обнимает меня одной рукой и ерошит мои волосы.

– Эй! Прекрати, – говорю я, стряхивая его руку. Нырнув мимо него к Мэлани, горячо ее обнимаю. – Привет, Мэл, как дела?

– Отлично, спасибо, Пенни. Жду не дождусь попробовать, что приготовил твой папа.

Я смеюсь.

– Должно быть интересно, как и всегда!

Следующие несколько часов расплываются в тумане среди еды и смеха, и я заворачиваюсь в это облако, словно в теплое одеяло, такое же успокаивающее, как и мамина шерстяная кофта, которую я беру с собой всякий раз, когда собираюсь лететь самолетом. Греческая лазанья вышла идеально (хотя я и сняла всю скользкую маленькую рыбу и отдала ее Тому), и теперь все сидят расслабленные вокруг стола. Мама обсуждает с Мэлани свою следующую свадьбу (в стиле «Кабаре» в Сохо). Том и Эллиот смеются над какой-то папиной шуткой.

Мне в голову вдруг приходит идея. Я соскальзываю с места, крадусь в прихожую и хватаю камеру, которую оставила рядом с рюкзаком.

Вернувшись, навожу объектив на свою семью, захватываю их улыбки и смех. Это нечто «исключительно мое».

Все, кого я люблю, в одной комнате.

Я опускаю взгляд на фото. Ну… почти все.

17 сентября

Я вижу призраков

Спасибо всем за вашу поддержку в последнем посте. Прошу прощения, мне пришлось закрыть комментарии, они начали немного выходить из-под контроля. Тем не менее, может, мы сумеем пройти через это вместе? Вы, ребята, всегда даете лучшие советы.

Самое сложное, с чем сейчас мне предстоит справиться – это призраки. Я не говорю о настоящих привидениях (по крайней мере, я на это надеюсь), но тени… отпечатки… пропавшего человека, проявляющиеся в моей повседневной жизни. Они готовы наброситься на меня в любой момент и снова заставляют замирать мое сердце.

Каждый раз, как я поворачиваю за угол, я вижу очередное напоминание о нем. Хотя я уверена, что он далеко от того места, где нахожусь я, мне все равно кажется, будто я вижу его где-то впереди в толпе. Однажды я даже шла по пятам за одним бедным мальчиком на улице, и когда он повернулся… конечно же, это был не он. Это был кто-то другой с темными волосами.

Я схожу с ума? Знаете, говорят, что когда покрываешься гусиной кожей, значит, кто-то прошел по твоей могиле? Вот это то, что я чувствую: зябко, холодно, иногда страшно – и все это заставляет немного себя жалеть. Что мне сделать, чтобы прогнать призраков и снова чувствовать себя нормально?

Девушка Online уходит offline xxx

Глава третья

Из всех комментариев, поступивших после публикации поста в блоге два дня назад, можно было выделить три основных совета:

1. Окружи себя друзьями и семьей. Сделано.

2. Развлекись: выходи и занимайся чем-нибудь очень захватывающим, пока воспоминания о нем не начнут меркнуть. На это мне, возможно, стоит обратить больше внимания.

3. Двигайся дальше. Да, и кроме того, это главный совет Эллиота. Тем не менее не думаю, что это реально.

Так что я решила попробовать способ номер два. И чтобы развлечься, я приняла приглашение, болтавшееся в моих сообщениях уже недели две. Меган спрашивала, не приеду ли я в Лондон, навестить ее в Школе искусств мадам Лаплаж, где она учится на первом курсе. Это по-настоящему престижное место, и я очень горжусь тем, что она туда попала. В Брайтоне ее поступление стало настолько грандиозным событием, что его даже отметили в местной газете под заголовком «Школьница выиграла место в академии для звезд». Школу закончило множество знаменитых актеров и актрис («О чем Меган никогда не устает тебе напоминать», – говорит Эллиот), но известна она не только благодаря артистам. Там также учатся будущие музыканты, танцоры, художники… может быть, даже несколько фотографов. Кроме того, Меган теперь живет в кампусе, так что в некотором смысле все выглядит так, будто она уже поступила в университет. Несмотря на ее безумное и временами заносчивое поведение, я действительно скучаю по ней.

«ПРИЕЗЖАЙ МЕНЯ НАВЕСТИТЬ», – кричала она в одном из последних сообщений. – «Тебе понравится». Эллиот закатил глаза.

– Скорее всего, ей просто хочется, чтобы кто-нибудь рассказывал о ее «звездной роли» в «Отверженных», или что еще они там ставят?

– «Вестсайдскую историю», – поправила я его. Чуть раньше в этот же день Меган расписала в фейсбуке, как на Хэллоуин она будет играть Марию в первом

большом школьном представлении этого года.

«Репетиции напряженные, – писала она мне, – но если ты приедешь в субботу после одиннадцати, то мы будем отдыхать в общей комнате, и я смогу тебя со всеми познакомить».

Ладно. Я это сделаю.

Эллиот ворчал, но я видела, что даже он был рад, что я выберусь куда-то и займусь чем-то другим, чем-то за пределами моей зоны комфорта.

Ура! Увидимся в субботу!

И вот уже суббота, и это один из тех ярких, красивых сентябрьских дней, когда Лондон сияет, будто все дома были хорошо отмыты. Я схожу с поезда и не могу не думать, насколько далеко я продвинулась всего за последние несколько месяцев.

До этого лета я и подумать не могла о том, чтобы самой сесть на поезд до Лондона. Кроме того, даже если оставить в стороне поезд и путешествия на метро, теперь у меня в запасе были небольшие трюки, позволявшие держать панические атаки под контролем.

Не в полной мере. Я знаю, это то, что так или иначе останется со мной до конца моих дней и может поднять свою мерзкую голову в любой момент. Но пока я управляю своим беспокойством, бросаю ему вызов и принимаю его, а не наоборот, я знаю, что со мной все будет в порядке. Школа мадам Лаплаж расположена на берегу Темзы, и Меган встречает меня на станции метро «Эмбанкмент», чтобы мы дошли до места вдвоем.

– Пенни! – Она машет мне, стоя перед «Старбаксом», в руке у нее стаканчик с кофе. Никогда не видела, чтобы она пила что-либо кроме молочных коктейлей и колы, но теперь это «взрослая» Меган. – Я взяла себе кофе, надеюсь, ты не возражаешь, – говорит она. – Ты ведь не любишь кофе, да?

Я качаю головой.

– Все в порядке.

– Отлично. – Она берет меня под руку и ведет через мост, расположенный рядом со станцией. В поле моего зрения попадает собор Святого Павла, и я останавливаюсь сделать снимок. Меган проскальзывает в кадр и опирается об ограждение моста.

– Слушай, сделай мое фото перед Национальным театром, – говорит она, указывая на большое бетонное здание, расположенное рядом со школой. – Может, однажды у меня будет ведущая роль в потрясающей постановке этого театра, и ты сможешь продать фото за миллионы.

Она хихикает так, что я вынуждена отвернуться в смущении. Я делаю снимок.

– Дай посмотреть?

Я поворачиваю камеру, чтобы показать ей фото на маленьком экране. Она визжит.

– О боже, это так здорово, Пенни! Пожалуй, тебе стоит сделать мои портреты.

Я улыбаюсь в ответ на ее широкую улыбку, но чувствую: что-то не так. Такая бодрость и возбуждение ненормальны даже для Меган. Я бы списала это на злоупотребление кофе, но не думаю, что все объясняется так просто.

– Как дела в школе? – спрашиваю я, пока мы переходим мост.

– О, школа просто удивительная. Ты знаешь, что одна знаменитая голливудская пара собирается отправить сюда своих детей? «Звездные глазки» говорят, что это сверхсекретная информация, но школа мадам Лаплаж – единственное место, где готовят актеров шекспировской школы. А преподаватели просто невероятные. Ты знаешь, что здесь есть даже специалист по монологам? И тебе надо будет взглянуть на танцоров… Никогда раньше не видела столько красавчиков в одном месте.

Она подмигивает мне.

Пока Меган продолжает говорить на ходу, я замечаю, что она так и не ответила на мой вопрос. Я уже знаю все о ее школе. Я только не знаю, как дела у нее самой.

Школа мадам Лаплаж расположена в огромном старом здании эдвардианской эпохи, которое, скорее всего, было когда-то несколькими высокими и узкими домами, построенными вплотную друг к другу. Но сейчас большая часть стен снесена, а здание украшено дерзкими яркими фресками студентов художественного отделения. Я смотрю сквозь стекло в одной из дверей и вижу полированный деревянный пол и зеркальные стены танцевального зала.

Пока мы поднимаемся по бесконечным лестницам, Меган продолжает извергать миллион слов в минуту. Мы останавливаемся на третьем этаже перед дверью, на которой написано: «Сценарное мастерство. Общая комната».

– Только не злись, Пенни, но некоторые девочки в курсе насчет тебя и Ноя, и они все ужасно завидуют, ничего? Не беспокойся… Я позабочусь, чтобы они вели себя прилично, но и тебе не стоит особо распространяться на эту тему.

– М-м… Не буду, – говорю я нахмурившись. – Поверь, последнее, о чем я хочу сейчас говорить, – это Ной.

– Хорошо. Все в порядке. – Она делает глубокий вдох, будто готовится к чему-то. Затем открывает дверь.

Общая комната напоминает мне одну из комнат отдыха для музыкантов за сценой, в которых я была. Тут, конечно, все немного иначе, чем в общей комнате нашей школы. Здесь такая расслабленная атмосфера: парни, растянувшиеся на потрепанных диванах, девушки, перекинувшие ноги через ручки кресел. У одного из парней есть даже гитара, которую он настраивает в уголке. И все тут по-настоящему привлекательны. На минуту мне даже кажется, что я попала на съемочную площадку какого-нибудь молодежного шоу.

На самом деле Меган практически так все и описывала: вернувшись, мне придется сказать Эллиоту, что Меган ничего не придумала. Тут все на самом деле так креативно, сногсшибательно и свободно, как она и рассказывала.

Меган ждет, пока я переварю все это, и хватает меня за руку. Она направляется к группе девушек, которые сидят за столом лицом друг к другу. Проходит некоторое время, прежде чем они замечают наше присутствие. Я вопросительно смотрю на Меган, удивляясь, почему она не скажет «привет», но та в упор глядит на одну из девушек, высокую и рыжую, волосы которой собраны на макушке в хвост.

– О, привет, Меган. – Она едва поднимает на нас взгляд, а ее губы сжаты в тонкую линию.

– Привет, Салена, – говорит Меган. Голос у нее такой тонкий, что звучит это почти как писк. Никогда раньше не слышала, чтобы Меган так говорила. – Это моя подруга, о которой я тебе рассказывала. Ты помнишь… Пенни Портер.

Салена переводит взгляд на меня и улыбается. Улыбка преображает ее лицо, она сразу кажется искрящейся и доброжелательной.

– Пенни! – говорит она. Она хватает спинку стула позади себя и придвигает его поближе. – Присядешь?

– О хм… – Я смотрю на Меган, которая толкает меня прямо к стулу. – Ну, думаю, да! – отвечаю я с неловким смехом. Меган бросается через всю комнату к единственному оставшемуся свободным стулу и тянет его к столу.

Салена по-прежнему смотрит на меня.

– Это Лиза и Кайла. Они на первом курсе, как и я.

– Как и Меган! – говорю я жизнерадостно.

Она кивает.

– Итак, прежде всего, я должна сказать, что обожаю твой блог.

Я краснею, мои щеки горят. Я все еще не могу привыкнуть к тому, что мой блог кто-то читает, какие-то реальные люди, хотя счетчик на моей странице

показывает мне, что это действительно так.

– Спасибо… Я уже довольно давно его веду.

– Я знаю! Я хочу сказать, ты такая естественная.

Меган рядом со мной с энтузиазмом кивает всему, что говорит Салена.

– И конечно, мы расстроены… ну, ты понимаешь, – говорит Кайла, сидящая с другой стороны стола. Глаза у нее огромные и круглые, а волосы коротко острижены.

– Спасибо, – повторяю я, не зная, что тут добавить. – Вы, девчонки, переживаете по поводу «Вестсайдской истории»? – спрашиваю я, надеясь сменить тему. – Меган так чудестно поет. Она рассказывала вам о нашей школьной постановке «Ромео и Джульетты»?

Салена открывает рот, но Меган резко подскакивает.

– Ну, я лучше покажу Пенни все остальное. Увидимся позже.

Я коротко машу рукой всем.

– Было приятно познакомиться. Пока.

– Взаимно, Пенни. Не стесняйся приходить в любое время. Я хотела бы узнать твое мнение о моем блоге.

– О, конечно, – отвечаю я. – Ой. – Меган хватает меня за руку и так тянет со стула, что я врезаюсь коленом в стол. Она тащит меня в центр комнаты. – Эй, что происходит? – спрашиваю я.

– Не хочу больше разговаривать с этими девчонками. Они несколько утомительны. Говорила я тебе: они постоянно болтают о Ное и блоге.

– Ну, не так уж все и плохо.

– Как бы там ни было, есть еще куча людей, с которыми я хочу тебя познакомить и показать школу. Ты обязана увидеть нашу главную сцену и гримерные, и мою комнату.

Мы уже собираемся уходить, когда чья-то ладонь похлопывает меня по плечу, отчего я подскакиваю. Я оборачиваюсь и вижу уставившегося на меня шикарного парня. Я тут же решаю, что ему, должно быть, нужна Меган, но когда отступаю в сторону, он протягивает руку и, прикоснувшись, останавливает меня.

– Прошу прощения, но… ты Пенни Портер?

Глава четвертая

Я моргаю, глядя на чудо ростом в шесть футов, стоящее передо мной. У него блестящие, миндалевидные глаза цвета морской волны, светло-русые, чуть вьющиеся волосы, идеально зачесанные набок. Он сверкает белоснежной улыбкой, ожидая ответа, но по мере того, как исчезает его улыбка, я понимаю, что просто молча пялюсь на него. А вернее – на его свободную майку на узких лямках, которая открывает взгляду гораздо больше мускулов, чем обычная одежда.

– Классмайка, – выдаю я. Мой мозг игнорирует вопрос, который только что был задан, но порождает спонтанное бормотание, которое, как мне кажется, должно было бы звучать как «классная майка». В этот момент внутренний голос орет на меня: «Говори, Пенни, ГОВОРИ ЯЗЫКОМ НОРМАЛЬНОГО взрослого человека!» – Я хотела сказать, тебе не холодно?

– Нет, но ты говоришь прямо как моя бабушка, – Он дружелюбно посмеивается и протягивает руку для пожатия. В его речи слышится небрежный шотландский акцент, который звучит так завораживающе, что мне уже требуется встряхнуться, чтобы вернуться в реальность. – Меня зовут Каллум. Приятно познакомиться. Ты ведь Пенни… верно?

Я беру его руку и замечаю, какая она невероятно мягкая, с идеально ухоженными ногтями.

Наконец, мне удается нормально улыбнуться.

– Да, Пенни, все верно. Мы знакомы? – Я хмурюсь, ломая голову и пытаясь вспомнить, не встречала ли я его раньше. Хотя уверена, что запомнила бы того, кто выглядит, как ангел, спустившийся с шотландских гор.

– Мы не встречались раньше, но я тебя знаю. Ну… я видел твои фотографии. Ты проходила практику у Франсуа-Пьера Нуво, к которому я сам мечтал попасть, и мне очень хотелось посмотреть твои работы, чтобы знать кто меня обошел. Я был впечатлен.

Не могу сдержаться и краснею от его похвалы. Он знает меня по моим фотографиям? Не думала, что такое возможно.

– Что ты тут делаешь? – продолжает он. – Учишься? Кажется, я не видел тебя ни на одном из наших семинаров.

Тут явно раздраженная Меган начинает переминаться с ноги на ногу: очевидно, мой разговор с Каллумом не входил в ее планы.

– Нет, Пенни тут не учится. Тут учусь я. Приятно познакомиться, Меган. – Она тут же встает между нами и протягивает Каллуму руку, поправляя свои блестящие каштановые волосы. Он отвечает рукопожатием и вежливо улыбается ей. Прежде чем мне представляется возможность ответить Каллуму, Меган снова вклинивается с репликой: – На самом деле я показываю Пенни школу. Надеюсь, она будет часто меня навещать, пока я учусь тут. Ну, конечно, когда я не слишком занята на репетициях.

– Конечно! – Я улыбаюсь Меган, но тут же снова смотрю на Каллума, не в силах оторвать от него взгляд. – Как я понимаю, ты тут изучаешь фотографию? – вставляю я раньше, чем Меган успевает сказать что-то еще.

– Да, уже второй курс… Это отличное место, – отвечает он. Каллум откидывается назад, опираясь о спинку одного из диванов. На минуту мне кажется, что весь мир за исключением его аквамариновых глаз померк. Такое чувство, будто существуем лишь мы двое, завороженные взглядом друг друга, а все остальное застыло. Это, должно быть, заняло какую-то долю секунды, потому что все вокруг вдруг оживает вновь, когда один из музыкантов начинает наигрывать

знакомую мне мелодию – «Элементы» из последнего альбома Ноя.

И тут до меня доходит. Все то время (ну ладно, целую минуту), пока я разговаривала с этим парнем, я вообще не вспоминала о Ное. Воздух кажется наэлектризованным – с тех пор, как мы расстались с Ноем, я думала, что это чувство не вернется уже никогда. Я замечаю, что у парня на плече, на чем-то вроде регулируемого кожаного ремня со стикерами и надписями, висит камера. Он широко улыбается, когда видит, что я разглядываю его снаряжение.

– Хорошая камера, да? Это винтаж. – Он передвигает ее на плече так, чтобы мне было лучше видно. Я одобрительно охаю и ахаю.

– Должно быть, ты с ней мастерски управляешься! – говорю я.

– Я люблю фотографировать, но ведь только лучшие из нас зависают с Франсуа-Пьером Нуво, а? – Он слегка подталкивает меня в плечо, и я чувствую, как краснею. Он смеется, и я нервно присоединяюсь. Почему Каллум МакДушка производит на меня такой эффект? Как будто мне опять тринадцать. Я мысленно стряхиваю это наваждение и пытаюсь чуть успокоиться. В то же самое время Меган легонько наступает мне на ногу, и я понимаю, что пора идти.

– Ну ладно, – говорю я, – было приятно познакомиться. Уверена, мы еще увидимся. Передам Франсуа-Пьеру от тебя привет. – Я разворачиваюсь на каблуках и устремляюсь прочь, подхватывая по пути Меган.

Каллум смеется и салютует нам вслед.

Интересно, легкая расслабленность после встречи с Каллумом, это нормально?

Может быть, это знак, что где-то глубоко внутри я начинаю забывать о Ное? Может быть, мое сердце готово к тому, чтобы с него стряхнули пыль и вновь поместили в пугающий мир парней?

Очень много «может быть», но это лучше, чем «никогда», которыми я мучилась раньше.

Меган ведет меня коридорами; мы проходим мимо классных комнат вокалистов, художников и балетных танцоров. Челюсть у меня отвисает, когда я вижу, сколько у них тут всего. Комнаты для занятий, музыкальные инструменты, студии, библиотеки. Как бы там ни бахвалилась Меган, но она действительно играет теперь в высшей лиге.

Мы пересекаем двор кампуса, и Меган ведет меня дальше, в студенческие общежития. Это не совсем то, что я ожидала: комнаты маленькие, а потолки довольно низкие, света мало. Совсем не подходит для съемки. Ванную и кухню Меган делит с двумя другими девчонками. Одна, танцовщица, из Италии, а вторая из Сан-Франциско, занимается современным искусством.

Меган проводит меня в свою спальню. Та еще в худшем состоянии, чем моя: повсюду разбросаны вещи, стены обклеены театральными афишами.

– У тебя хорошие соседки? Ты ладишь с ними? – Я сажусь на край одноместной кровати Меган, притиснутой к ее письменному столу. Меган выдвигает офисное кресло и садится рядом.

– Конечно. То есть Мариэлла не слишком хорошо говорит по-английски, так что нам немного трудно общаться. Она занимается интерпретационными танцами, поэтому часто я просто стараюсь жестом выразить то, что хочу сказать, и, думаю, это помогает.

Бедная Мариэлла. Я представляю себе раздраженно танцующую Меган, пытающуюся предложить Мариэлле чашку чая, и с трудом сдерживаю смех.

Меган достает ноутбук и начинает прокручивать ленту в фейсбуке.

– Другую девочку я вижу не слишком часто. Она такая, неформалка, много времени проводит в Шордиче[3 - Модный хипстерский район Лондона с кафе, барами, пабами, ресторанами и ночными клубами, славящийся своей эклектикой.], а все ее знакомые парни носят бороды и завязывают волосы в пучок. Не уверена, что мне нравятся мужчины с пучком на затылке. Что они там прячут?

– Свои секреты? – Я склоняюсь над экраном ноутбука. Курсор мышки парит над чатом, хотя уведомлений о новых сообщениях нет. Странно. Обычно все девайсы

Меган жужжат от входящих. Она чувствует, что я смотрю в экран, и захлопывает ноутбук.

– Знаешь что? Давай вернемся в общую комнату и возьмем еды и напитков. Тут особо нечего делать, тут слишком спокойно. – Она хватает свою сумочку, вешает ее через плечо, затем взбивает прическу и наносит еще один слой губной помады.

– Хорошо, – отвечаю я. Я удивлена бабочками, порхающими в животе при одной мысли: «Может быть, Каллум все еще там».

В общей комнате – гудящий улей, но ни следа шотландского красавчика.

Симпатичные молодые люди толкутся вокруг настольного футбола. Для такого малопопулярного в этой среде хобби они играют на удивление хорошо. Еще две группы, расхаживая туда-сюда, поют а капелла, словно в сцене из фильма «Идеальный голос». Сказать, что я выпала из своей зоны комфорта, не будет преувеличением, к тому же диван, на который я села, вдруг начинает засасывать меня в свои подушечные глубины.

Невольно приходит мысль: что, если я уже не выберусь оттуда?

Но тут входит Каллум, за ним по пятам следует один из его приятелей.

Его друг тоже высок и привлекателен, с копной густых, вьющихся темных волос, но он вовсе не производит на меня того магнетического впечатления, как Каллум. Я сажусь чуть прямее, когда он падает на диван рядом со мной, а его друг садится напротив, рядом с Меган.

– Не думал, что снова увижу тебя так скоро. – Он сбрасывает сумку с плеча на журнальный столик перед нами и откидывается на спинку дивана. Боже, его акцент прекрасен. Мне хочется вытащить телефон и записать его для Эллиота, потому что я знаю, что он будет в таком же восторге.

Я усмехаюсь.

– Меган решила, что, прежде чем я отправлюсь домой, мы должны выжать из кафетерия все. Я слышала, тут непревзойденные тосты с сыром и мармайтом[4 - Пряная паста марки Marmite, которую британцы намазывают на хлеб.]. – Я поднимаю свой сэндвич и только тут понимаю, что размахивать перед чьим-то лицом недоеденным тостом, вероятно, не совсем нормально. Рот Каллума кривится, когда он пытается сдержать смех, а я, желая замять неловкость, запихиваю оставшийся кусок сэндвича в рот.

К сожалению, все, чего я добиваюсь, это гигантские, как у бурундука, щеки, и теперь вынуждена жевать с закрытым, очень забитым ртом, чтобы не демонстрировать Каллуму кучу пережеванного хлеба и сыра. Очень привлекательно.

Я благодарна ему, когда он отворачивается на минуту, позволяя мне вернуть собственное достоинство. Я жую так быстро, как только могу, проглатываю остатки тоста и к тому времени, как он оборачивается посмотреть на меня, даже справляюсь с покрасневшим лицом.

На коленях он держит портфолио и папку формата А4 с черно-белыми фотографиями, выглядящими так, будто их только что принесли из темной комнаты. Мне даже кажется, я чувствую распространяющийся от них запах химикатов.

Шум в комнате чуть нарастает, когда Каллум поднимает взгляд, чтобы посмотреть на меня. Я делаю глубокий вдох. Не позволяй волнению все разрушить. Ну пожалуйста.

– О, извини, ты не возражаешь? – спрашивает Каллум, принимая мою растущую нервозность за раздражение. – Мы должны сегодня сдать большой проект, и я хочу, чтобы все было идеально.

– Нет, продолжай, пожалуйста, – отвечаю я, радуясь смене темы. По крайней мере, это на мгновение отвлечет Каллума и позволит мне взять себя в руки.

Я внимательно рассматриваю фотографии, которые он раскладывает на своих коленях.

Это портреты, такие запоминающиеся, что меня бьет дрожь. Детали на них не похожи ни на что из того, что я видела раньше.

– Как тебе? – спрашивает он. – Я не уверен, что они уже достаточно хороши.

– Некоторые из этих снимков могут вызвать ночные кошмары! – отвечаю я со смешком.

Он вспыхивает.

– Я знаю, они немного готичны, но, по правде говоря, они и были сделаны для выставки на Хэллоуин. Ты какой объектив используешь для портретов? – Он улыбается, и зубы у него такие ровные и белые, что почти ослепляют меня. Над верхней губой, рядом с аркой Купидона, у него маленькая родинка, и я таю еще сильнее. Стоит труда не заорать: «Кто этот парень, и откуда он взялся? Он не может быть реальным! НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!»

«Сосредоточься, Пенни. Фотография. Ты можешь».

– Портретный объектив премиум-класса. Мне кажется, он дает потрясающую деталировку, но не такую резкую, как макрообъектив, особенно если снимать на пленку. Ты снимаешь на пленку или делаешь цифровые фото?

– И так, и так. Думаю, оба способа хороши, чтобы получились отличные снимки. – Кончик его языка трогает уголок рта, пока он работает над страницей с клеем в одной руке и фотографиями – в другой. – Это сильно зависит от того, какой тебе нужен ракурс, я так полагаю. Некоторые мои любимые фото сделаны самой дешевой мыльницей на самой дешевой пленке. Люблю подлавливать моменты.

– О, совершенно согласна. – Я с энтузиазмом киваю, а потом вдруг чувствую себя виноватой. Мы тут разговариваем о фотографии, и я совсем не обращаю внимания на Меган.

Ей это не понравится. Я поднимаю взгляд и со вздохом облегчения замечаю, что Меган сильно увлечена разговором с другом Каллума о большой вечеринке в корпусе 4B. Мать Меган с ума бы сошла, если бы узнала, что ее дочь собирается на вечеринку, где будут сексуальные семнадцатилетние парни, но меня это

вовсе не удивляет.

Чувство вины отступает, я позволяю себе расслабиться и вернуться к разговору с Каллумом.

– Как бы ты описала это фото? – спрашивает он, передавая мне черно-белое изображение пожилой дамы, прижавшей ладонь к лицу. Видны замысловатые детали из восьми золотых колец, нанизанных на ее пальцы. Глаза кажутся печальными, но уголки рта приподняты. Половина лица скрыта в тени, другая залита светом.

– Мне кажется… она говорит: «Я прожила долгую жизнь и не сожалею ни об одной секунде».

Я смотрю на запоминающийся образ, потом снова поднимаю глаза на Каллума. Наши взгляды встречаются, и, когда по его лицу пробегает улыбка, вокруг глаз вновь появляются лучики.

– Леди и джентльмены, встретим аплодисментами самую банальную фразу в мире? – Он смеется и хлопает в ладоши.

– Эй, ты сам спросил! – Я пожимаю плечами и улыбаюсь в ответ.

– И этот глубокий, осмысленный анализ, моя дорогая, – причина, по которой я учусь тут, а ты – нет. – Он подмигивает мне игриво, а я открываю рот в притворном возмущении.

– Может, я и не умею сочинять крутые подписи, но таланту нельзя научить, – парирую я, и сама удивляюсь собственным словам. Обычно я не слишком зажигаю, когда дело доходит до взаимных подколок. Кто эта новая Пенни?

– Туше, Пенни Портер, – уступает он и чуть придвигается, теперь его нога касается моей. Хоть мы и в джинсах, но это прикосновение посылает электрический разряд сквозь все мое тело. Не знаю, чувствует ли он то же самое, но, пока он продолжает разглядывать свои фотографии, на его щеках появляются розовые пятна.

Может быть, не я одна чувствую этот разряд…

И тут вдруг тревога поднимается, словно цунами.

Я не успеваю даже вздохнуть, так быстро она наступает.

Все, что было забавным и увлекательным, кажется ужасающим. Я слышу каждый удар мяча настольного футбола. Голоса, поющие а капелла, становятся высокими и резкими. Воздух густеет и нагревается, словно я вдыхаю мед.

Я в панике ищу глазами выход, и когда вижу дверь, то хватаю сумку и бегу. Я не думаю о Каллуме, его друге или Меган. Я просто бегу по коридору, сворачиваю за угол, рвусь в двери, пока не оказываюсь снаружи и не чувствую свежий воздух в легких.

Через пару секунд рядом появляется Меган, ее рука ложится мне на спину. Меган уже видела такое раньше, и, несмотря на все ее недостатки, я благодарна ей за то, что она никогда не раздувает из этого трагедию. Она просто остается рядом.

Когда мое дыхание успокаивается, она рискует задать вопрос:

– Что случилось? Каллум что-то сказал? – Она хмурится.

– Нет, совсем нет. Я думаю… я не знаю. Кажется, я просто переутомилась. Все будет хорошо. – Я вымучиваю улыбку, и Меган пожимает мне руку.

– Ничего страшного, если тебе нравится кто-то еще, – говорит она спокойно.

Сердце останавливается, потому что Меган удалось выразить словами причины моего беспокойства. И глубоко внутри другой голос говорит мне: «Я в этом не уверена».

Глава пятая

Прислонившись к стене школы, Меган чатится в телефоне, пока я сижу на каменном ограждении и пытаюсь сосредоточится на своем дыхании. Когда я немного успокаиваюсь, то поднимаю глаза и вижу идущих по своим делам людей. «Чем вы все заняты?» – думаю я, следя за толпой. Выбираю отдельных пешеходов. «Куда ты идешь с этим гигантским рюкзаком, путешествуешь по миру? А та пара, держащаяся за руки, это их первое свидание? Или третье?»

Переключать внимание вовне, концентрироваться на том, что происходит в жизни других людей, – это мне посоветовал психотерапевт, чтобы справляться с панической атакой. Я начала посещать психолога, лишь когда вернулась из турне, и она уже очень помогла мне укрепить уверенность в себе. Помогла мне понять, что тревога, даже являясь частью моей жизни, вовсе не должна определять ее. Маленькие уловки вроде наблюдения за людьми помогают мне не зацикливаться так сильно на собственных мучительных мыслях и физических реакциях, охватывающих тело, всякий раз, когда я начинаю паниковать. Я уже чувствую, как замедляется ритм сердца, а с ладоней исчезает липкий пот.

Я оглядываюсь через плечо.

– Меган, думаю, я скоро буду в порядке. Если не возражаешь, мне нужна еще пара минут, чтобы очистить голову, прежде чем вернуться обратно.

Я застала ее врасплох: она с улыбкой смотрит вирусное видео скользящего по льду щенка, но, услышав меня, выключает телефон и кивает:

– Конечно, Пенни. Я буду в общей комнате. Думаю, ты сможешь найти дорогу туда?

– Ага, – отвечаю я.

– Отлично. Скоро увидимся. – Она идет обратно, оставляя меня сидеть у стены.

Я продолжаю сканировать пространство перед собой, и мой взгляд цепляется за юную девушку на скамейке напротив – в ярости заканчивает телефонный разговор и смахивает слезу. Я невольно задаюсь вопросом: с кем она только что спорила? Родители? Подруга? Парень? Такие мелочи напоминают мне, что абсолютно у всех есть свои проблемы, с которыми они борются или вынуждены иметь дело постоянно.

Я прихожу в смятение, когда единственная слезинка девушки оборачивается вдруг неконтролируемым рыданием в ладони. На траве между ее черных лодочек лежит потрепанный рюкзак, ее блестящие темные волосы скручены в два аккуратных жгута по обе стороны головы. Внезапно она поднимает голову, и ее взгляд встречается с моим. Я чуть не падаю со своего места. Теперь она знает, что я сижу тут, наблюдая за ней.

Чувство неловкости комом встает в горле. Девушка снова отводит взгляд и вытирает глаза, очевидно, понимая, что я все еще смотрю на нее. Я замечаю нашивку школы на ее рюкзаке и догадываюсь, что она, должно быть, учится здесь. Я соскальзываю со своего насеста. Просто не могу игнорировать ее теперь, когда она знает, что я наблюдала за ней. Есть небольшой шанс, что она скажет мне убираться прочь и наорет на меня за то, что я сую нос в чужие дела, но это риск, на который я готова пойти. Если ей нужно с кем-то поговорить, то сочувствующий незнакомец порой не хуже, чем любой другой собеседник. Она поднимает взгляд, когда слышит, как перекатывается гравий под моими кедами. Несмотря на то что лицо ее после плача пошло красными пятнами, я замечаю, насколько она хорошенькая. У нее красивые темно-карие миндалевидные глаза, а когда слабая улыбка пробегает по ее губам, то на одной щеке появляется ямочка.

Я расцениваю улыбку как многообещающий знак того, что она не против моей компании.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь, но с тобой все в порядке?

Я присаживаюсь на скамейку рядом. Девушка чуть дрожит, напоминая мне изящную бабочку. Она может улететь в любую секунду.

– Так стыдно! – отвечает она. Вытирает нос бумажным платком, зажатым в руке. – Ненавижу плакать на людях. И особенно ненавижу плакать в школе. Уверена, теперь все об этом узнают.

– Хочешь, прогуляемся? Отойдем отсюда немного? – предлагаю я, и она кивает.

Мы молча идем прочь от школы, в сторону Саутбэнка. Мне кажется, в воде всегда есть что-то успокаивающее. Я предпочитаю вид на море с пляжей

Брайтона, но и Темза сойдет. Девушка громко шмыгает носом.

– Я… я не знаю тебя, но, пожалуйста, не говори никому в школе об этом.

– О, я не учусь там, – отвечаю я.

– Нет?

– Нет… Просто приехала к подруге. Слушай, меня зовут Пенни. Извини, что наблюдала за тобой, но ты выглядела очень расстроенной. Ты с кем-то поссорилась?

Она поднимает глаза, стараясь встретиться со мной взглядом. Должно быть, я прохожу тест, поскольку она снова медленно кивает.

– Я Поузи, – отвечает она. – Поузи Чанг. И да, поссорилась… Можно сказать и так! Моя мама – мой лучший друг, но она слишком давит на меня. Она просто не понимает. Я пыталась объяснить ей, что не хочу играть одну роль в спектакле, потому что не выношу даже мысль о том, чтобы быть в центре внимания.

Она громко сморкается и бросает платок в урну. Когда она снова начинает говорить, голос ее так тих, что мне приходится напрягаться, чтобы расслышать ее слова сквозь щебет птиц и болтовню туристов позади нас.

– Я знаю, это большая честь получить такую большую роль. В конце концов, я тут учусь сценическому искусству и музыке, и мне это всегда нравилось, но перед зрителями все становится таким сложным, и никто этого не понимает! Мама сказала, что это глупо, что я должна собраться и что ни при каких обстоятельствах она не позволит мне поменять мою роль. И я бешусь, потому что она права. Если я этого не сделаю… мне могут не продлить стипендию. И тогда все усилия, чтобы попасть сюда, были напрасны. – Она снова шмыгает носом, и одинокая слезинка катится по ее щеке.

– А какая у тебя роль? Моя подруга Меган тоже участвует в постановке. Это же «Вестсайдская история», нет?

– Да, верно. Я играю Марию, ГЛАВНУЮ РОЛЬ. – По плечам ее пробегает небольшая дрожь. – Все прослушивались, и я надеялась попасть в постановку, потому что это, конечно же, влияет на оценки, но я определенно не думала, что получу главную роль. А теперь я отчаянно пытаюсь поменять ее на менее сложную роль. – Она нервно впивается в свои и так уже обгрызенные ногти.

– Ты, должно быть, действительно хороша, раз тебе дали главную роль, – говорю я, силясь скрыть свое недоумение. Ее версия не соответствует тому, что я слышала от Меган, но мне не хочется противоречить ей, когда она так расстроена. – И все же я очень тебя понимаю.

(Что-то похожее на «страх сцены» я испытала, когда вся школа увидела мои трусы, но я понимаю, что это не совсем то. Я просто чувствовала ужас и стыд от того, что тогда на мне была самая старая пара огромных выцветших трусов.) Страх сцены Поузи казался чем-то гораздо более серьезным. Знать, что обязан исполнить долг, но приходить в ужас от самого места, которое должен по идее любить.

– На самом деле я выскочила наружу, – говорю я ей, – потому что страдаю от очень сильных панических атак и беспокойства.

– Правда? И как ты справляешься? – спрашивает она, широко распахивая свои большие карие глаза.

– Ну, когда я чувствую беспокойство во время путешествий, я надеваю старую мамину кофту – это как одеяло безопасности. Полагаю, ты не можешь взять с собой на сцену одеяло.

К моему облегчению, она хихикает.

– Нет, это наверняка не сработает, если только мы не решим поставить «Отверженных», тогда я могу притвориться, что это – мои лохмотья.

Она вдруг закрывает глаза и начинает петь вступительные строки арии «On My Own» из «Отверженных», и ее волшебный голос несется над водой. Она идеально попадает в каждую ноту, и в ее голосе чувствуется такая тонкая дрожь, что он проникает мне прямо в сердце. Я чувствую, как к глазам подступают слезы.

Ее голос становится все сильнее и сильнее, пока не достигает крещендо, она едва успевает переводить дух. Я и сама едва дышу, пораженная тем, какой мощный инструмент скрыт в столь маленьком теле. Когда она заканчивает, финальная нота еще звучит в воздухе, и я разражаюсь аплодисментами. И не я одна: позади нас собралась небольшая толпа, и они все неистово аплодируют. Поузи резко оборачивается, лицо ее становится красным, как свекла, но она чуть кланяется и слабо улыбается толпе. Они постепенно расходятся, и мы снова остаемся одни.

– Поузи, это потрясающе! Я знаю, тебя это совсем не радует, но… Я понимаю, почему тебе дали главную роль.

Ее слабая улыбка исчезает.

– Спасибо, Пенни. Когда-то мне нравилось петь людям… когда это была лишь я, сама по себе, с микрофоном или, может быть, за пианино. И когда я допускала ошибку, то никто, кроме меня, не страдал. Но если я облажаюсь на спектакле, это уже будет касаться не только меня, но всех студентов: музыкантов из оркестровой ямы, танцоров из ансамбля, декораторов, осветителей и звукорежиссеров – не говоря уже обо всех остальных актерах на сцене. Я всем все испорчу. Вот почему я не могу этого сделать. Так что мне придется вернуться в Манчестер.

– Я понимаю, о чем ты, – говорю я. – Мне кажется, именно поэтому мне нравится фотография. Только я и камера.

Она поднимает взгляд и улыбается мне.

– Спасибо за понимание… Было приятно поговорить с кем-то, кто не считает, что я должна преодолеть себя и исполнить роль. Ты сказала, что приехала навестить кого-то? Этот кто-то из актеров?

Я киваю.

– Ага… Ее зовут Меган.

– Меган Баркер?

Я снова киваю.

Поузи закусывает нижнюю губу.

– Я не очень хорошо ее знаю, но пробы у нее были неплохие. Ты ее по своему городу знаешь?

– Ага, я из Брайтона.

Глаза Поузи загораются.

– О, я столько слышала о Брайтоне, всегда хотела там побывать, но как-то не получалось.

– Это довольно далеко от Манчестера, – отвечаю я со смехом.

– Точно! – Поузи бросает взгляд на часы. – Я… Мне лучше вернуться. Возможно, стоит снова позвонить маме. Она хоть и давит на меня, но будет беспокоиться.

Моя новая знакомая подхватывает свой рюкзак и поворачивается.

– Погоди, притормози на секунду. Мы можем обменяться мейлами? Тогда, если тебе вдруг снова понадобится с кем-то поговорить…

Она кивает и достает из кармана телефон.

– Будет здорово.

Я вбиваю в ее телефон и мейл, и свой номер, так что она сможет связаться со мной по ватсап.

– В любое время, договорились? – уточняю я.

Поузи приближаетсся и заключает меня в объятия. Я обнимаю ее в ответ, и мы вдвоем идем назад, к мадам Лаплаж.

Глава шестая

Когда я возвращаюсь в общую комнату, Меган ждет меня прямо перед дверью. Она стоит, уставившись в свой телефон, но глаза у нее сверкают точно звезды. Если она и заметила, что я отсутствовала некоторое время, то не подает виду.

– Все в порядке? – спрашиваю я, подходя к ней.

– Шутишь? Лучше не бывает. Этот красавчик, Люк, попросил мой номер и только что пригласил меня на следующий уик-энд на вечеринку к себе домой! – Она поворачивает телефон ко мне, чтобы показать снимок Люка топлес, с написанными поверх него адресом и временем.

– Вау! – сказала я, не вполне уверенная в том, какой реакции от меня ждут.

– Скажи, да? Он такой подкачанный. Все девчонки в моем классе будут так завидовать. Меган Баркер возвращается в топы! – Она берет меня под руку и кладет голову мне на плечо, пока мы идем обратно в ее комнату. – Пенни, это был лучший день. Спасибо тебе.

– Э… обращайся! Не уверена, правда, что я такого сделала!

Она пробегает пальцами вверх по моей руке.

– Я не одна, кому сегодня немного повезло.

– Ты о чем?

– Каллум попросил у меня твой номер! Я надеюсь, ты не возражаешь, что я его дала.

– Что? Меган!

Она запрокидывает голову и смеется, в ее глазах снова мелькает бесовский блеск. Теперь она больше похожа на ту Меган, которую я знаю.

– Эй! Ты ему нравишься, и ты явно не против проводить с ним время. Я слышала, как вы двое трепались о фотографии… объективы, ракурсы и все такое. Что плохого? Если он позвонит и позовет тебя на свидание, ты всегда можешь ответить «нет».

Я закусываю губу, но в конце концов пожимаю плечами.

– Полагаю, так.

– Конечно! Но на твоем месте я не стала бы говорить «нет». Я слышала, будто Каллум МакКрэ не просто красавчик, а невероятно богатый красавчик. Его семье принадлежит огромное поместье в Шотландии. Он, типа, помещик или что-то вроде этого.

Я морщусь.

– Да, конечно. Допустим, это так, значит, это лишь еще одна причина не встречаться с ним. Скорее всего, он невероятно высокомерен.

– И помолвлен с графиней, – подхватила Меган и махнула рукой так, будто держала в ней старинный веер. – О-о, а может быть, он знаком с членами королевской семьи? Мне жаль, Пенни. Скорее всего, он не позвонит. Ты не вполне птица его полета. – Она тычет в меня пальцем, и я понимаю, что ее слова задевают меня.

Когда мы возвращаемся в комнату Меган, она запрыгивает на кровать, все так же рассматривая фото Люка. Я усаживаюсь в ее офисное кресло, оглядывая комнату. Я все время думаю о Поузи. Не только о ее прекрасном волнующем голосе, но и о роли, которую она получила в спектакле.

– Меган, можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно! – Она мечтательно вздыхает.

– Почему сегодня хороший день? То есть я хочу сказать, кроме того, что тебя пригласил в гости супер-мачо Люк?

Она переворачивается на живот, чтобы взглянуть на меня, и болтает ногами в воздухе. Подперев подбородок руками, она изучает мое лицо.

– Не знаю. Думаю… то, что ты приехала, сильно мне помогло. Раньше все было сложнее.

– Ты о чем? – спрашиваю я осторожно. Меган обычно с трудом идет на откровенность – она упархивает от вопросов как балерина.

– Ой, ты знаешь, девчонки такие коровы…

– Меган…

Она сглатывает, потом перекатывается на спину. Пальцы ее ног взбираются вверх по стене, но ее прикрытые веки трепещут.

– Я тут ни с кем особо не подружилась. Не так, как дома, где у меня была куча друзей. И все так жутко талантливы. Иногда… иногда мне кажется, я тут самая бесталанная.

Я глубоко вздыхаю.

– Даже несмотря на то что ты получила главную роль в «Вестсайдской истории»?

Она качает головой.

– На самом деле нет у меня никакой главной роли. – Слова ее едва слышны; я поднимаюсь с кресла, чтобы сесть на постели рядом. – Я просто пою в хоре.

– Почему ты соврала? Тебе не нужно ничего нам доказывать, ты знаешь это. Ты уже поступила в очень престижную школу. Все считают, что ты потрясающая.

– Я знаю. Просто не хочу, чтобы дома думали, что это большая ошибка, потому что я уже так думаю. – Она открывает глаза и смотрит на меня. – К тому же я дублер исполнительницы главной роли, Марии. Девушка, которой досталась эта роль, такая размазня, едва ли она ее потянет, так что я решила, будет не страшно, если я немного привру.

– Размазня? – переспрашиваю я. Поузи не показалась мне трусихой, просто она растеряна немного.

– У нее серьезный страх сцены или что-то вроде…. К тому же у нее стипендия, и если она откажется от роли, мадам Лаплаж скорее всего отправит ее домой. Ведь если не можешь справиться со стрессом здесь, то как ты выживешь в большом мире? Это же актерское мастерство, я права?

– Но это все-таки школа… Разве ей не должны помочь справиться с этим?

Меган хмурится.

– Так ты хочешь, чтобы я получила эту роль или нет?

– Мне кажется несправедливым, когда кого-то наказывают за его страхи.

Тут Меган смягчается.

– Я не хотела, чтобы это прозвучало так. Прости, Пенни.

– Так мадам Лаплаж – реальный человек? – продолжаю я. – Не просто название?

– О да, она реальна. И она ужасна. Она тут нечасто появляется, но когда появляется, это значит, что либо у кого-то большие проблемы, либо кто-то вот-вот станет звездой. Она как проводник для юных талантов во многие сферы искусства.

– Вау! Ты ее когда-нибудь видела?

Меган качает головой.

– Первокурсники не встречают ее почти никогда. Кроме того, дело не только в том, кто какие роли получает в постановках. Помнишь тех девушек, с которыми ты познакомилась сегодня? У них у всех популярные блоги, которые читает вся школа, и они все такие креативные. Так что я тоже начала вести блог, но меня почти никто не читает. Не знаю, что я делаю не так.

– Почему ты не покажешь его мне? – спрашиваю я. Слова Меган о Поузи едва ли можно назвать добрыми, но я знаю, что Меган приходится нелегко.

– Ладно. – Она включает компьютер и загружает блог. Как я и ожидала, он действительно красиво оформлен, и даже фотографии и модные наряды, на которых она решила сконцентрироваться, очень хорошо подобраны.

– Выглядит очень здорово! – честно признаюсь я.

– Спасибо… но едва ли это кто-то смотрит.

– А ты смотришь чужие блоги?

– Ага…

– И оставляешь комментарии или что-нибудь?

Она открыла рот.

– Конечно, нет! Не хочу, чтобы они знали, что я хожу на их страницы, когда они даже не потрудились заглянуть ко мне.

– Видишь, Меган? В этом-то и проблема. Если бы ты немного открылась и показала бы всем, что они интересны тебе так же, как ты хотела бы быть интересна им, возможно, они бы тебя приняли. Суть блогинга в сообществах, и мне кажется, что эта школа – тоже маленькое сообщество. Вы должны присматриваться друг к другу. И иногда нужно сделать первый шаг. Если тебе нравится что-то, о чем они пишут, скажи им об этом. Тогда они могут прийти к тебе в блог, чтобы посмотреть, о чем пишешь ты. Не только брать, но и давать, понимаешь?

– Наверняка ты никогда не пишешь комментариев к чужим блогам теперь, когда ты знаменитая «Девушка Online».

Теперь моя очередь ошарашенно смотреть на нее.

– Ты шутишь? Заглядывать в блоги к друзьям – одно из любимых моих занятий! Как минимум так я показываю им, что ценю то время и усилия, которые они вложили в свои посты, потому что я отдаю свое время, чтобы отвечать на них.

– Хм… – произносит Меган, – думаю, это имеет смысл.

– Попробуй. Ручаюсь, у тебя вырастет трафик. И может быть, в результате ты заведешь себе друзей.

Меган улыбается.

– Спасибо за то, что приехала, Пенни. Правда, спасибо.

– Обращайся.

22 сентября

Как сделать так, чтобы ваш блог заметили

Всегда немного обескураживает, если после того как вы несколько часов провели, горбатясь за ноутбуком и стараясь довести пост до совершенства, вы не получаете в ответ ни одного комментария. Все мы оказывались в подобной ситуации: никто не начинает блог с готовой и ждущей аудитории, и на самом деле это часть веселья. Моя подруга недавно завела свой собственный блог и попросила у меня совета, так что я решила, что мне стоит сесть и составить список тех рекомендаций, которые я дала ей, в надежде, что они помогут и кому-нибудь из читающих этот пост.

Так что если вам необходимо руководство к действию или уверенность в том, что вы все делаете правильно, то вот что я думаю:

1. Начните дискуссию. Завершите свой блог вопросом, связанным с тем, о чем вы пишете, вопросом, который побудит людей написать ответ.

2. Общайтесь. Заведите твиттер и начните общение, начиная разговор с использованием определенных хештэгов. Раскрутите свой блог среди других блогеров и заведите друзей. Вы обнаружите, что у вас много общего с окружающими, так что вам всегда будет о чем поговорить.

3. Оставляйте комментарии в блогах, которые вам нравятся. Другие люди увидят ваши комментарии и будут знать, что у вас тоже есть блог. Плюс, как уже было сказано выше, общаться полезно.

4. Продвигайте свой блог в социальных сетях. Используйте Инстаграм и разместите на фото ссылку на ваш блог. В Инстаграме огромный трафик, и если использовать хештэги, по которым люди смогут вас находить, есть неплохой шанс, что они увидят ваш блог. Pinterest – тоже отличный вариант!

5. Будьте естественны. Не рассылайте спама и не делайте ретвитов двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Никто не любит назойливость, это может оттолкнуть от вас. Наоборот, делайте то, что для вас естественно. Получайте удовольствие и не зацикливайтесь на цифрах! Все это требует времени, но, проявив толику терпения и используя возможности социальных сетей, вы очень быстро наберете подписчиков!

Надеюсь, эти несколько советов так или иначе помогут вам. В конце концов, цифры – это всего лишь цифры, а что действительно важно, так это то, чтобы вам самим нравилось писать блоги. Даже если число моих подписчиков упадет за ночь до пяти человек, я все равно буду продолжать писать тут, потому что мне это нравится. Это мое маленькое убежище, и я здесь счастлива! Это важнее всего. А среди вас есть те, кто начал вести блог недавно? Вы воспользуетесь моими советами? (Видите, что я делаю? – вернитесь к пункту 1… Ха-ха!)

Девушка Онлайн уходит офлайн ххх

Глава седьмая

Следующим утром, по пути к станции метро, мне уже кажется, что никакого разговора между нами не было. Меган снова ведет себя, как всегда, откидывает назад волосы и болтает о своем предстоящем свидании с Люком. И лишь когда мы подходим к платформе, она опять заговаривает об этом.

– Пожалуйста, не говори никому дома, что я… ты понимаешь… борюсь тут. Не хочу разрушать свою репутацию!

– Не стану, но, Меган, тебе нечего стыдиться. У тебя все отлично. И новые друзья появятся, если ты просто будешь собой. – Я замолкаю, потом добавляю. – Лучшей версией себя.

Может, Меган и обижается на мои последние слова, но не подает виду.

– И ты будь собой. Если Каллум позовет тебя на свидание, иди.

– Я подумаю об этом.

– Это лучше, чем бояться, что призрак Ноя Флинна вдруг выскочит на тебя. – Она зловеще шевелит пальцами, а потом подмигивает: – Ты же знаешь, я тоже читаю «Девушку Online». И я последую твоим советам.

Когда мы обнимаемся, я чувствую, как крепко она сжимает мои плечи.

Это, наверное, самое большое выражение симпатии, которое я видела от Меган, и я понимаю, что она действительно по мне скучала.

– Мне тебя тоже не хватает, – сказала я.

– Увидимся в ноябре, на представлении, да? – добавляет она.

– Конечно, ни за что на свете не пропущу его.

– И если ты придумаешь еще способы вновь сделать меня мисс Популярность, пиши! Давай беги, а то опоздаешь на поезд.

Я бросаю взгляд на часы на телефоне. Меган права. И после еще одного быстрого объятия я мчусь через турникеты и врываюсь в вагон метро перед тем, как захлопываются двери.

Чуть позже, устроившись на своем месте в поезде на Брайтон и глядя на южные пригороды Лондона, проносящиеся мимо, я думаю о Меган и Поузи – двух совершенно разных девушках с похожими мечтами. У одной есть абсолютная уверенность в себе, но ей необходимо сфокусироваться на своей технике. А у другой есть и талант, и умения, но совсем нет уверенности в себе.

Когда я отправилась с Ноем в мировое турне, то повидала множество звезд, выступавших на сцене: «Скетч», Леа Браун, и, конечно, самого Ноя. У всех у них были разные стили, но их объединяла та особая магия, харизма, которая привлекала к ним взгляды публики и удерживала их. Звездная сила? Икс-фактор? Как бы это ни называлось, я это видела и через объектив фотоаппарата. И это не имело ничего общего со славой: иногда нечто такое прорезалось в Эллиоте; но ни в Меган, ни в Поузи этого пока не было.

Телефон вибрирует, у меня новое письмо. К моему удивлению, это письмо от Поузи. Я открываю его.

Дорогая Пенни!

Я хотела написать тебе, чтобы поблагодарить за все, что ты для меня вчера сделала. Иногда мне так одиноко здесь… но ты заставила меня почувствовать себя намного лучше. Ты поняла, что мой страх сцены – это не то, что я могу смести под половик и сделать вид, будто этого не существует. Ты первая, кто не стал говорить мне «это надо преодолеть», и это много для меня значит.

Я знаю, что мы, возможно, больше не встретимся, потому что я уеду домой, но все-таки я хотела сказать тебе спасибо.

Поузи xx

Читая ее письмо, я еще сильнее прониклась решимостью помочь ей.

Единственный, кто выступал на сцене, из всех, кого я знаю, – это мама. Я вспоминаю, как она рассказывала мне о своем страхе сцены (в тот период в Париже, который она называет «потерянные годы»): уверена, что она знает какие-то способы справиться с ним. Кажется, другие ученики мадам Лаплаж могут быть довольно безжалостны, когда дело доходит до страхов и волнений. Зато я знаю, что мама будет сочувствующим слушателем.

Я нажимаю «ответить» и быстро набираю текст.

Поузи! Как здорово, что ты написала.

Ты свободна на следующих выходных? В восьмидесятые годы в Париже моя мама была актрисой. Почему бы тебе не сесть на поезд до Брайтона и не встреться с ней? К тому же мы могли бы с тобой здорово оттянуться. Я покажу тебе наши достопримечательности, знаменитый брайтонский пирс, и мы сможем пройтись по магазинам.

Пенни xx

Теперь остается только ждать и надеяться, что она сможет приехать. Я знаю, что мама сумеет ей помочь, по крайней мере заверить ее, что она не одна такая.

Когда письмо уходит, я прислоняю голову к оконному стеклу.

Лондонские улицы исчезли, их сменили волнистые зеленые холмы английской сельской местности. И даже дождь пока не идет.

Я мысленно возвращаюсь к собственной панической атаке… и Каллуму, общей комнате и новой жизни Меган.

Неужели интерес Каллума к моей персоне так взволновал меня? Я подумала, что причиной стал сам факт того, что я принимала от него знаки внимания. Я чувствовала обновление и возбуждение. Может быть, я даже немного флиртовала, и, может быть, это все было для меня чересчур. Значит ли это, что после Ноя действительно есть жизнь? Если только Каллум не сбросил меня со счетов после того, как я умчалась без объяснений.

Он все же попросил твой номер, напоминает мне внутренний голос.

Я вздрагиваю, когда телефон снова жужжит, извещая о новом сообщении. Может быть, это… но нет, это не Каллум, это мама.

Ты уже едешь домой?

Тут тебя ждет большой сюрприз!

Хх

Большой сюрприз… может быть, это Ной?

Меня бесит, что мое сердце предательски скачет от одного парня к другому.

Чтобы отвлечься, я достаю камеру и всю оставшуюся дорогу просматриваю сделанные фото. Жизнь состоит не только из парней… и с этой камерой я прорвусь.

Глава восьмая

Подходя к нашему парадному крыльцу, я внимательно приглядываюсь. Небольшая кукла, сидящая на эркерном окне, смотрит на улицу, будто ждет кого-то. Пряди ее огненно-рыжих волос по-прежнему торчат в разные стороны, а одежда другая: теперь она одета в розовую пачку и ярко-желтый джемпер, совсем не похожие на старинное платье в эдвардианском стиле, которое было на ней, когда я впервые принесла ее домой. Хотя пачка и джемпер больше подходят ее нынешней пятилетней владелице.

«Но если Принцесса Осень тут…»

Я хмурюсь. «Это может означать лишь…»

Дверь распахивается настежь, и еще одна знакомая фигура появляется на каменных ступенях.

– Пенни! – радостно визжит она.

– Белла!

Маленькая сестра Ноя бежит вниз по ступенькам и прыгает мне на руки. Она обхватывает меня ногами за талию, а я крепко обнимаю ее.

– Я так рада тебя видеть! Но слушай, как ты выросла всего за несколько месяцев!

– Я скучала по тебе, Принцесса Пенни!

– А я по тебе. – Я целую ее в макушку и опускаю вниз.

Она хватает меня за руку и тащит к дому.

– Скорее! Твой папа делает оладьи со смайликами!

– О, в этом он спец! – говорю я, не в силах спрятать широкую улыбку, хотя мои мысли совсем запутались. Я следую за ней в дом и вижу в дверях нашей гостиной элегантный силуэт Сейди Ли, бабушки Ноя. Услышав мои шаги, она оборачивается и тепло улыбается.

– Пенни! Как я рада тебя видеть, дорогая. Хорошо выглядишь.

Она обнимает меня и целует в обе щеки. Ее длинные седые волосы теперь острижены в шикарное каре. Со своими высокими скулами и сверкающими глазами она самая утонченная бабушка из всех, кого я когда-либо встречала.

– Я тоже очень рада вас видеть! Вау! А… – Следующие слова застревают в горле. «А Ной здесь?» – вот что я собиралась спросить, но мне не хочется, чтобы это прозвучало так, будто я не рада видеть их с Беллой.

– К сожалению, нет, – отвечает Сейди Ли, угадав мой вопрос, и, извинившись, склоняет голову.

– О, – говорю я, не в силах скрыть разочарования, и опускаю плечи.

– Полагаю, тебе он тоже не писал?

Я мотаю головой.

Она вздыхает.

– Ох уж этот мальчишка… Он появится, когда будет готов.

Когда я понимаю, что и у них нет вестей от Ноя, страх сжимает мое сердце.

– С ним все в порядке? – спрашиваю я.

Она кивает.

– Через своего нового менеджера он оставил сообщение со своими контактами на чрезвычайный случай, если произойдет что-то действительно ужасное, но просил уважать его желание взять творческий отпуск. Ной всегда был вольной пташкой, со всеми своими проблемами мог разобраться сам, и ему нужно это уединение. Я слишком хорошо его знаю… если мы начнем преследовать его или будем донимать сообщениями и письмами, он сбежит еще дальше. Свободное пространство – вот то, что ему нужно, и мы должны его предоставить. И все же… Я рада, что нам удалось встретиться.

– Я тоже.

Мама, пританцовывая, выходит из кухни.

– О, отлично, ты вернулась! Ну как сюрприз, Пенни, дорогая?

– Самый лучший сюрприз!

Затем мама поворачивается к Сейди Ли.

– Ты уже сказала ей?

– Сказала мне что? – спрашиваю я, заинтригованная.

Сейди Ли смеется.

– Еще нет! Но сейчас – самое время. Наш визит – не просто отдых, чтобы повидаться с вами, хотя и это тоже. Мы с твоей мамой решили организовать еще одно совместное предприятие.

– Ой, правда? – Я радостно хлопаю в ладоши. – Здесь, в Брайтоне?

Мама качает головой.

– Не в этот раз. Лучше. Помнишь то венчание в Шотландии?

– На каникулах? – спрашиваю я. Это церемония с самым большим бюджетом из всех, за которые мама бралась в этом году… почти с таким же, как организованная в последний момент нью-йоркская свадьба на Рождество, где я впервые встретилась с Ноем. Поскольку венчание планируется на время каникул, то помогать будут все: и Эллиот, и Алекс, и я. Это будет моя первая поездка в Шотландию, и Эллиот уже подбирает нам идеальные наряды к вечернему балу – естественно, с шотландскими колоритом.

– Именно. Сейди Ли согласилась заняться кухней, так что они с Беллой присоединятся к нам!

Я перевожу взгляд на Сейди Ли.

– Потрясающие новости! – говорю я. Сейди Ли – шеф-повар мирового класса, завоевавшая себе имя прежде всего своей невероятной выпечкой.

(Но даже обычные сэндвичи с сыром в ее исполнении бесподобны, и нет ничего, что она не может сделать супервкусным.) Ее таланты в сочетании с потрясающими организационными способностями моей мамы станут силой, на

которую можно положиться.

– Но нам нужно переделать кучу дел, так что сразу после завтрака я отправлю Сейди Ли по магазинам. Ты сможешь днем присмотреть за Беллой?

– Ура! Ура! Ура! – Белла прыгает вокруг, дергая меня за комбинезон при каждом выкрике.

– Конечно! – отвечаю я с широкой улыбкой. – Мы чудесно проведем время вдвоем, правда, Белла?

Прежде чем Белла успевает ответить, слышится голос папы:

– Кто хочет оладьи?

– Я! – визжит она и бросается на кухню. И лишь когда Белла убегает, до меня, наконец, доходит. Они и вправду приехали! Сердце мое так бьется, что, кажется, сейчас выскочит из груди. Мало того, что разрыв с Ноем был сам по себе болезненным, но и разлука с его семьей ранила не меньше. Я полюбила их. У Беллы и Ноя одинаково теплые, глубокие карие глаза, и когда Белла тут, я еще острее чувствую отсутствие Ноя. И хотя от этого сердце немного болит, я рада, что они по-прежнему остаются нашими друзьями.

Мысль о друзьях напоминает вдруг о моем лучшем друге.

– Мам, ты не против, если я схожу проведаю Эллиота? Он томился взаперти с родителями, пока меня не было, потому что Алекс тоже уехал… – И я обязана рассказать ему о моей безумной субботе.

Когда Эллиот узнает о Каллуме, он просто обалдеет и, надеюсь, будет гордиться тем, что я предпринимаю шаги в направлении, противоположном от бруклинского парня.

– Ты уже ела?

– Ага! Сэндвич в поезде.

– Тогда конечно! Только вернись до одиннадцати. А пока за Беллой присмотрит папа.

Я целую маму в щеку, затем крепко обнимаю Сейди Ли. Снова выйдя на крыльцо, перепрыгиваю через ступеньки, направляясь к входной двери в дом Эллиота.

– … возможно, если бы ты слушала больше!

– Я? Слушала? Ты мне и слова не дал ВСТАВИТЬ!

Мой палец зависает над звонком, пока через дверь доносятся гневные слова. Я ежусь. Отец и мать Эллиота опять ссорятся. Сделав шаг назад, я смотрю на самое верхнее окно, пытаясь понять, смогу ли я как-то дать знак Эллиоту, не мешая его родителям.

Но оказывается, что в этом нет необходимости. Дверь распахивается настежь, и наружу, отталкивая меня назад, выкатывается Эллиот, лицо у него красное.

– Эллиот! – кричу я. Он вскидывает взгляд, а затем, узнав меня, бросается обнимать.

– Заберешь меня отсюда? – шепчет он мне в ухо.

Я хватаю его за руку, и мы вдвоем спешим вниз по ступеням. Я точно знаю, куда надо идти.

Глава девятая

В «Старбаксе», обхватив ладонями тыквенный латте, Эллиот выплескивает эмоции. Слезы текут по его щекам, и бедный бариста, обслуживающий нас, добавляет ему бесплатную порцию сиропа, надеясь, что это его немного взбодрит.

– Я просто больше не вынесу этого, Пен. Они ссорятся с вечера пятницы, весь вчерашний день, а сегодня утром все началось заново. А знаешь, из-за чего они поссорились?

Я даже спрашивать не хочу, но он продолжает и рассказывает мне все:

– Из-за цвета папиного галстука. Очевидно, он пошел на работу в одном галстуке, а вернулся в другом. Мама захотела узнать почему. Папа пытался дать какие-то жалкие объяснения вроде пролитого за ланчем супа или типа того.

– Ну… это вполне вероятно.

– Вполне вероятно. Но совершенно не важно, потому что мама ему не поверила. Так что они орали, орали и орали, пока я не допустил ошибку, спустившись вниз, чтобы сделать себе тост с авокадо прежде, чем умру с голоду. Мама загнала меня в угол и спросила, что думаю я. – Он делает еще один огромный глоток кофе.

– О боже, и что ты сказал? – спрашиваю я.

– Мне не пришлось ничего говорить! Папа заорал что-то вроде «К чему спрашивать его совета о личных отношениях, когда его личные отношения в этом доме не приветствуются?», а потом мама завопила, чтобы он не смел быть таким гомофобом, и сменила тактику, спросив меня, какого цвета галстук был на папе утром в пятницу, и я ответил, что не знаю, потому что был у Алекса. Тут мама разрыдалась и сказала, что Алекс мне дороже, чем они, и что она больше не разрешает мне ночевать у него. И тут я выскочил вон… и вот мы здесь.

– О, Эллиот. Мне так жаль.

– Это все ужасно неприятно. Мои родители всегда были предельно терпеливыми, тихими, держащими в узде свои эмоции, а теперь они выплескивают их постоянно в очередной схватке. Создается впечатление, что двадцать лет их ярость клокотала под крышкой, и вот сейчас ее прорвало. Я не могу выносить это. Напряжение такое плотное, что всякий раз, как я прихожу домой, мне хочется тут же пойти в душ и смыть его. – Он передергивает плечами. – Алекс – мое единственное убежище, так что я ни при каких условиях не перестану оставаться у него… даже если это будет означать, что я больше не вернусь

домой.

– Ты это несерьезно, – говорю я.

В голубых глазах за зеленоватыми стеклами очков блестят слезы.

– Может быть. А может, и да. Каждый раз, когда мама чувствует себя виноватой и дает мне денег за то, что они все время ругаются, я начинаю думать о своей Карте Большого Побега. Ты не представляешь, что там творится. Это ад на земле.

Я понимаю, что все серьезно, раз он говорит о Карте Большого Побега. Эллиот всегда полон безумных планов, которые часто начинаются с «давай убежим…» и заканчиваются каким-нибудь гламурным местом вроде Парижа или Лос-Анджелеса. Однажды это был цирк (но не просто любой старый цирк – это должен был быть «Цирк Дю Солей»). И тот факт, что я не смогу даже пройтись колесом, не смущал его. В какой-то момент он понял, что, если все же решится воплотить один из этих планов в реальность, ему понадобятся деньги, поэтому он завел карту – дебетовую карту для «просто на всякий случай» сбережений. Я всегда ужасно завидовала этой его карте, но никогда не умела распорядиться собственными деньгами достаточно разумно, чтобы завести собственную. Потянувшись, я беру его ладонь и крепко сжимаю. Он отвечает пожатием и слабо улыбается мне.

– Ну, отвлеки меня, – говорит он. – Расскажи, как ты провела день с мегадрянью.

– Ну, она не так плоха, Вики. Школа у нее действительно крутая. Честно говоря, никогда не видела ничего подобного… словно на телешоу побывала. И все же… – Эллиот склоняется ко мне, предчувствуя какую-то сочную сплетню. Я не хочу нарушать обещание, данное Меган, и рассказывать, как несладко ей там приходится, но мне также нужен совет Эллиота по поводу Поузи. Я делаю глубокий вдох и продолжаю: – У меня была небольшая паническая атака, и мне пришлось выйти на улицу, и там я познакомилась с одной девушкой, которая учится с Меган. Она просто потрясающая певица, но у нее страшная боязнь сцены, а ее только что выбрали на главную роль в «Вестсайдской истории».

– Стоп, но разве главная роль не у Меган?

Я качаю головой.

– Нет, она дублер.

– Что? Так она врет на фейсбуке?

– Ну… Если эта девушка не сможет играть, тогда Меган получит главную роль. И теперь я просто разрываюсь на части… Я действительно хочу помочь этой девушке, но если Меган узнает об этом, она меня убьет.

– Так, так, так, – говорит Эллиот, откидываясь на спинку стула, – мегазвезда – это мегафейк.

– Эллиот!

Он смеется.

– Не беспокойся, я ничего не скажу.

– Есть еще кое-что, что может изменить твое отношение к ней. Что-то, в чем вы с ней солидарны.

– Сомневаюсь, но выкладывай.

– Ну, в общей комнате был один парень, и она дала ему мой номер.

Тут Эллиот снова склоняется ко мне, уперев ладони в стол.

– СТОП! Мне нужны подробности. Рост? Цвет глаз? Привлекательный? Имя? Чем занимается? Вываливай все, Пенни Портер.

Я смеюсь.

– Его зовут Каллум, он шотландец.

– Я его уже обожаю, – отвечает Эллиот, изображая обморок.

– Учится фотографии в школе мадам Лаплаж, очень высокий, с такими удивительными зелеными глазами и короткими вьющимися светлыми волосами… Мне он кажется чуточку прекрасным!

– Суперсексуальный гик-фотограф? Ты уверена, что не придумала все это?

Я чувствую, что от разговоров о Каллуме мои щеки краснеют.

– Уверена, но было странно встретить кого-то, с кем у меня столько общего. По крайней мере, на первый взгляд.

– Вот почему ты обязана пойти с ним на свидание, Пенни. Чтобы выяснить всю подноготную. – Он подмигивает. – И, полагаю, у него обалденный шотландский выгвррр?

– Что?

– Акцент. Оуч, а-ха, неа, душка. «Доброе старое время»[5 - Название известной шотландской песни на стихи Роберта Бернса, написанной в 1788 году.] и все такое?

Я морщусь, слушая, как ужасно он коверкает слова.

– И совсем не так, но да, иногда мне приходилось напрягаться, чтобы понять, что он говорит! Временами даже казалось, что он говорит на другом языке, но мне это нравится.

– О, это так романтично!

– Не беги впереди паровоза, он мне еще не звонил и не писал.

– Напишет.

– Откуда ты знаешь?

– Просто предчувствие. Ох, Пен, я так рад за тебя.

Я киваю.

– И тем не менее не говори об этом, когда мы вернемся домой.

– Почему нет? Готов поспорить, твои мама с папой тоже будут рады узнать, что ты встретила кого-то еще и больше не станешь хандрить.

– Да ладно, это же еще не отношения… он просто попросил мой номер! И еще… У нас в гостях Сейди Ли и Белла.

– Что? Как? Неужели…

– Он не вернулся, – быстро говорю я. – Сейди Ли будет заниматься кухней на свадьбе в Шотландии через пару недель.

– И тебя это устраивает? – спрашивает он, как всегда, читая меня, словно открытую книгу.

– Конечно! Я люблю Сейди Ли и Беллу!

– Но…

Я вздыхаю.

– Но от этого я лишь еще больше думаю о нем. И беспокоюсь. И гадаю, что он собирается делать…

– Я знаю. Зато теперь у тебя есть проект «Каллум» и проект «студентка-актриса», на которых ты можешь сосредоточиться.

– Надеюсь на это. Когда вернется Алекс?

– Слава богам, должен быть этим утром чуть позже.

– Хочешь пригласить его к нам? Вы, ребята, можете помочь мне посидеть с Беллой.

– Звучит неплохо. Хотя мы, наверное, услышим через стену, как орут мои родители. Может, стоит врубить этот попсовый альбом с музыкой девяностых, который ты хранишь рядом с кроватью.

– Эй, в тоскливый осенний вечер никто не устоит перед несколькими песнями «Spice Girls». Не беспокойся, у меня есть идея, как мы сможем потом выбраться из дома.

Эллиот кивает, но вдруг опять становится очень несчастным. Я закусываю нижнюю губу.

– Ох, Эллиот, что же ты будешь делать?

Он пожимает плечами.

– Это от меня не зависит. Это зависит от них. А я просто считаю дни до того момента, как я смогу убраться оттуда окончательно.

Мы возвращаемся к дому к одиннадцати, как раз вовремя, чтобы Эллиот успел поздоровался с Сейди Ли.

– О, дорогой, скоро у нас будет время пообщаться как следует… ты должен рассказать мне все о своей практике. Может, однажды ты приедешь в Нью-Йорк? В моем доме всегда найдется комната для тебя.

Глаза Эллиота заблестели от слез, но в этот раз это слезы радости, а не печали.

– Нью-Йорк – это, как… это МЕЧТА. Я буду словно Хайди Клум в проекте «Валим Отсюда» – auf wiedersehen![6 - До свидания (нем.). Хайди Клум – немецкая супермодель, актриса и телеведущая, отказавшаяся от учебы в Дюссельдорфе ради карьеры модели.]

– Отлично! А теперь нам пора бежать. Роб, ты готов? О’кей, Далия? – спрашивает она маму и папу. – Нам с Далией пора заняться делом, но очень скоро у нас

будет много свободного времени.

Мама и Сейди Ли покидают дом в вихре поцелуев и объятий, папа тащит свои клюшки для гольфа на воскресную игру.

Когда все уходят, я опускаюсь на колени.

– Итак, Белла, хочешь увидеть, где в Брайтоне живут драконы?

Глава десятая

– Поверить не могу, что я всю жизнь прожил в Брайтоне и ни разу тут не был! – восклицает Эллиот, запрокинув голову к потолку.

Мы пришли в Королевский павильон, красивую, но необычную бывшую королевскую резиденцию, находящуюся в самом сердце Брайтона, одно из самых удивительных зданий во всем городе. Я помню, как ходила сюда с родителями, когда была маленькой, и решила, что нужно привести и Беллу, но уже и сама забыла, насколько это впечатляющее зрелище. Когда-то я называла это место «дворцом Мистера Виппи»[7 - «Мистер Виппи» – марка мороженого.], потому что его белые купола напоминали мне мороженое.

Так странно, что можно забыть о потрясающих местах, расположенных, можно сказать, на твоем же заднем дворе. Брайтон всегда был для меня домом, и столько всего в нем я воспринимаю как само собой разумеющееся. Я еще раз даю себе клятву как можно больше дорожить родным городом.

– Ты знаешь, что во время Первой мировой тут располагался военный госпиталь для индийских солдат? – спрашивает Эллиот.

Алекс обнимает Эллиота за шею и целует его в щеку.

– Мой маленький ботан! Такой всезнайка, – заявляет он.

– Ага, но тебе это нравится, – парирует Эллиот.

– Ты знаешь, что это правда, – отвечает Алекс, подмигивая.

Я улыбаюсь им обоим.

– Наконец-то хоть кто-то ценит знания Эллиота.

– А ты в курсе, что королева Виктория продала этот дворец городу за жалкую сумму порядка пятидесяти тысяч фунтов просто потому, что не любила Брайтон? Не знаю, что с ней было не так…

Эллиот и Алекс уходят вперед, рука об руку, вдоль бархатных канатов, обозначающих туристический маршрут через павильон. Я так рада, что Эллиот простил Алекса за его нерешительность в прошлом году… и что Алекс все-таки открылся. Со всеми этими потрясениями и переворотами, происходящими в жизни Эллиота прямо сейчас, ему нужна постоянная ободряющая любовь его друга. Все напряжение, сковавшее плечи Эллиота, испарилось, как только он увидел Алекса. Даже я больше не произвожу на него такого эффекта. Если и есть пара, которой суждено быть вместе, то это Аллиоты.

Мы проходим через ряд комнат в кухню, где на стенах висят огромные прекрасные медные котлы. Я не могу не думать о том, какие чудеса может сотворить Сейди Ли на такой кухне.

Затем, когда мы переходим в банкетный зал, я мечтаю о тех торжествах, которые мама и Сейди Ли могли бы устроить тут вместе, если бы им только выпала такая возможность. Наверное, мне стоит подкинуть им эту идею…

– Пенни, смотри! – Белла дергает за край моего кардигана. Я слежу взглядом за ее пухленьким пальчиком, указывающим на потрясающую золотую люстру с китайским драконом, серпантином обернувшимся вокруг цепи.

Я широко улыбаюсь.

– Видишь, я говорила тебе, что в Брайтоне есть драконы.

– Вау… – шепчет она и прижимается к моей ноге.

Я крепко обнимаю ее.

– Не бойся, это просто украшение. – Мне до смерти хочется сделать фото, но тут это запрещено. Моя камера остается в сумке на плече.

Алекс пристально смотрит на красиво сервированный банкетный стол, где каждая вилка лежит на своем месте.

– Этот парень… напомни мне, кем он был?

– Принц Джордж, до того как он стал Георгом Четвертым, – отвечает Эллиот, источник всех знаний.

– У него был своеобразный вкус, это точно, – подытоживает Алекс.

– Думаю, он мой герой, – говорит Эллиот восхищенным шепотом. – Это так сногсшибательно… Если бы я мог, я бы завтра же переехал сюда.

Покончив с экскурсией по Павильону, мы перемещаемся в чайную комнату. Белла измучена и экскурсией, и джетлагом, поэтому, допив свой пакетик с яблочным соком, она забирается ко мне на колени и засыпает. Эллиот, Алекс и я заказываем чай, и, посмеиваясь, пьем его.

Эллиот склоняется над чайной чашкой.

– Кажется, мы тут единственные, кому еще нет двадцати.

Я быстро огляделась. Он прав: большинство из сидящих тут намного старше нас. Но все же в чайной подают восхитительные булочки, так что мы не жалуемся.

– Хотите сегодня посмотреть фильм? – спрашивает нас Алекс.

– Было бы здорово! – отвечаю я. – Но сперва мне надо узнать у мамы, останется ли Сейди Ли на ужин.

Эллиот усмехается.

– «Фильм» – отлично звучит. Тут есть это новое шведское кино с субтитрами?

– Нет! – в унисон восклицаем мы с Алексом. Эллиот дуется, но этим он ничего не добьется.

– Хочу посмотреть новых «Мстителей», – говорит Алекс.

– Вето! – отвечает Эллиот. – Ни в коем случае не буду смотреть еще один голливудский побочный продукт к комиксу, набитый под завязку компьютерной графикой и оглушающими взрывами.

Фильмы, наверное, единственная вещь, в которой Эллиот и Алекс расходятся, хотя оба очень любят смотреть кино.

Я машу перед ними рукой в надежде, что это не перерастет в полномасштабные дебаты о блокбастерах и мировом кинематографе.

– Как насчет того, чтобы я проверила текущий репертуар, прежде чем мы начнем третью мировую? – говорю я.

Двигаясь осторожно, чтобы не потревожить Беллу, я вылавливаю из сумки телефон. По привычке, открыв браузер, я тут же щелкаю по иконке почты, где обозначены два новых сообщения.

Рука сама взлетает ко рту.

– Ура! – кричу я, прочитав первое сообщение.

– Что? – Эллиот склоняется ко мне, а Алекс поднимает бровь.

– Поузи приедет на следующие выходные! Она все же сделает это!

– Отлично! Это значит, что проект «студентка-актриса» стартовал!

Я пихаю Эллиота в плечо.

– Она не проект, она – новая подруга. И ручаюсь, она тебе понравится. И еще надерет тебе задницу в караоке.

– Никто не может надрать мне задницу в караоке! – Эллиот выглядит оскорбленным.

Алекс смеется.

– Это потому, что у нас духу не хватает слушать тебя! – Он поворачивается ко мне. – Кто такая Поузи?

Я рассказываю Алексу о своей поездке к Меган и о страхе Поузи перед сценой.

– Хм, а напомните мне, кто такая Меган? – спрашивает Алекс.

– Та, которая постоянно использует Пенни и ее дружеское отношение, – отрезает Эллиот.

Я корчу ему рожу.

– Она не такая плохая… Просто нужно преодолеть барьер, который она выставляет перед собой. В глубине души она хороший человек.

– Конечно… Где-то на глубине Большого Каньона, – бормочет Эллиот.

Если бы на коленях у меня не спала пятилетняя девочка, я бы пнула его под столом.

– А ты знаешь, что Каньон Колка в Перу глубже Большого Каньона более чем в два раза? – спрашивает Алекс с издевкой во взгляде.

– Ну вот видишь? – смеется Эллиот. – Не такая уж она и плохая! Ну и кто теперь тут всезнайка?!

Пока они разговаривают, я набираю короткий ответ Поузи.

Отличные новости!

Встретимся на станции в 11:00 в субботу.

Я буду стоять рядом с фортепьяно.

(Но точно не для того, чтобы играть! Боюсь, не сумею.)

X

Теперь, когда встреча с Поузи устроена, я чувствую себя намного счастливее. Лишь одна мысль слегка мучает, когда я спрашиваю себя, что мне сказать Меган.

Но не Меган решает, с кем мне дружить.

– Идем? – спрашиваю я. – Ой, я забыла посмотреть расписание сеансов!

– Не беспокойся, мы посмотрели, – отвечает Алекс с улыбкой. – И сошлись на последнем фильме студии Диснея. Ты идешь?

– Да! Только поговорю с мамой.

Белла у меня на коленях ворочается, просыпается и широко зевает.

– Готова идти домой? – спрашиваю я, убирая с ее лица несколько выбившихся прядей.

Она улыбается, и на ее щеке появляется ямочка. Меня поражает вдруг, как она похожа на Ноя. Но пора уже прекратить видеть повсюду его призрак, пора выйти на свет. У меня есть любящие друзья и друзья, которых я полюблю.

И это всегда важнее, чем парни.

Глава одиннадцатая

На следующий день в школе я смываю последние химикаты со своих черно-белых снимков и развешиваю их просушиться в нашей школьной фотолаборатории. Я напечатала несколько фотографий Беллы, играющей с Принцессой Осенью, но они вышли не так, как было задумано, и я благодарю свое подсознание за то, что оно подсказало мне часть снимков сделать также и на цифровую зеркалку.

Обычно темная комната – это то место, где я счастлива (даже если ногти мои становятся коричневыми, когда я забываю надеть перчатки). Но сегодня я не просто работаю.

С тех пор, как я увидела фотографии Каллума, собранные в портфолио, стало ясно, что мне необходимо повышать свой уровень. Я не могу отделаться от неприятного чувства, что для того, чтобы действительно сделать фотографию своей профессией, мне нужно тратить на занятия ею больше времени и усилий, чем я трачу сейчас. У меня было несколько удачных прорывов, но я больше не хочу полагаться только на удачу. Плюс слова «исключительно твое» продолжают звучать у меня в голове. Это плохие снимки. Я очень хочу включить свой iPhone и все их засветить.

К сожалению, приходится делить фотолабораторию со своими одноклассниками, так что я просто сжимаю зубы и оставляю снимки сохнуть.

Мисс Миллс сидит снаружи, в классе, и поднимает взгляд, когда я с досадой хлопаю дверью темной комнаты. Глаза мисс Миллс распахиваются шире.

– Все в порядке, Пенни?

– О, прошу прощения, мисс… да, все в порядке. – Она ждет несколько секунд, пока меня не прорывает. – Просто мне кажется, в последнее время у меня ничего не выходит с пленкой. Все, что я делаю, – это просто… мусор. Я не знаю, что делать и как это изменить. Я не хочу полагаться только на цифру и фотошоп в этом проекте.

Она указывает мне на стул напротив, чтобы я присела, и я опускаюсь на него, роняя сумку на колени.

– Ты взваливаешь на себя слишком много всего, Пенни. Ты фантастически хорошо справляешься со своей курсовой работой, и тебе нужно помнить о перспективе. Не каждое твое фото будет годиться на обложку альбома. – Она подмигивает.

– Я знаю это, правда…

– Но?

Я улыбаюсь. Мисс Миллс знает меня так хорошо. После событий прошлого Рождества, перевернувших мою жизнь, она была скалой для меня, поддерживала во время безумного тура с Ноем, даже несмотря на то, что тогда были летние каникулы.

Она также одна из немногих, кто читал «Девушку Online», когда я вела блог под замком. Я верю ей безоговорочно.

– Но я хочу совершенствоваться. Хочу выработать свой стиль. Хочу, чтобы любой, взглянувший на мои работы, говорил: «О! Это Пенни Портер!»

Она склоняется над столом и опускает подбородок на ладони.

– Стиль – это то, что ты развиваешь со временем, и тебе часто приходится пробовать много всего, пока ты не найдешь что-то индивидуальное. Я думаю, тебе нужно сменить обстановку. В основном ты снимаешь тут, в Брайтоне, но некоторые из твоих лучших работ были сделаны, когда ты немного вышла из зоны комфорта.

– Хм, наверное, это правда. – Мои мозги закипают, когда я думаю, где бы еще я могла пофотографировать, и… – О! На каникулы я собираюсь в Шотландию. Может быть, я смогу там поснимать.

– Это отлично! Но помни, надо постараться выйти за рамки обычного. У тебя это получается, и я думаю ты сейчас немного растеряна, потому что смотришь лишь

на то, что находится прямо перед тобой. Тебе просто надо сместить точку фокуса и снова открыть глаза. – Она откидывается на спинку стула. – Я не беспокоюсь за тебя, Пенни. Ты всегда находишь выход.

– Спасибо, мисс. А у вас есть какие-нибудь планы на каникулы?

– Хотелось бы! Но я буду заниматься оценками, оценками и еще раз оценками… Плюс в том, что мне нравится моя работа.

– Ну… все же я надеюсь, у вас будет небольшой перерыв.

– И я надеюсь, Пенни!

Схватив сумку, я направляюсь к двери. По дороге к своему шкафчику вижу ждущих меня Киру и Амару.

– Привет, девчонки! – Я машу рукой и подбегаю к ним.

– Пенни! Как там супер-пупер школа Меган? – Глаза Киры сверкают.

– Честно говоря, я как будто попала в сериал «Хор»! Там круто. И все это очень ей подходит.

– Это хорошо. Может, нам тоже стоит съездить навестить ее, – предлагает Амара, оживляясь.

– Когда? Еще столько надо выучить! – стонет Кира. Определенно она беспокоится об оценках больше нас всех.

Я кладу ладонь на ее руку и быстро пожимаю ее.

Мой телефон жужжит, и я вылавливаю его из сумки. Открыв сообщение, прикусываю губу… Поверить не могу, что это происходит на самом деле.

– Пенни? Что случилось?

Я поднимаю взгляд на Киру.

– Ты о чем?

– Ты покраснела, как помидор!

– Ну, когда я ездила к Меган, я познакомилась с одним парнем…

Амара и Кира визжат в унисон, и я не сомневаюсь, что только близняшки способны на такое.

– Что?! Выкладывай! – требует Кира.

– Его зовут Каллум, он учится фотографии в школе мадам Лаплаж.

– Он симпатичный? – уточняет Амара.

– Очень симпатичный, – отвечаю я, и сама чувствую, как горят мои щеки. – И Меган дала ему мой номер.

– И он написал тебе? – интересуется Кира. – Это потрясающе! Ты собираешься встречаться с ним?

– А как же Ной? – спрашивает Амара.

Кира толкает сестру в плечо.

– Зачем ты про него заговорила? Пенни не нужно думать о нем вот прямо сейчас.

– Знаю, но я обожаю Пенноя. Всегда думала, что вы двое преодолеете все это и будете вместе навсегда, – отвечает Амара, виновато пожимая плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джейми Оливер – британский шеф-повар и ресторатор, автор многочисленных бестселлеров о кулинарии и здоровом питании.

2

Рубленая баранина по-гречески с баклажанами в остром соусе.

3

Модный хипстерский район Лондона с кафе, барами, пабами, ресторанами и ночными клубами, славящийся своей эклектикой.

4

Пряная паста марки Marmite, которую британцы намазывают на хлеб.

5

Название известной шотландской песни на стихи Роберта Бернса, написанной в 1788 году.

6

До свидания (нем.). Хайди Клум – немецкая супермодель, актриса и телеведущая, отказавшаяся от учебы в Дюссельдорфе ради карьеры модели.

7

«Мистер Виппи» – марка мороженого.

Купить: https://tellnovel.com/zoi-sagg/devushka-online-status-svobodna

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити